

СОФЬЯ КОВЫЛЬ

МИЦЕЛИЙ

18+

Софья Ковыль

Мицелий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69225169

SelfPub; 2023

Аннотация

Любовь живет по тем же законам, что и микробиологические культуры. Любовь проходит те же фазы: затишье инициальной фазы – скачок экспоненциальной – и ровный взлет линейной. В этом убежден Сергей Гавриилыч, заведующий лабораторией смешанных культур, а он никогда не ошибается. И все-таки и его накрывает любовь отчаянно и внезапно, так, что нельзя отследить, когда все началось, когда все сложилось так... Между ним и его подчиненной, стажером Дашей, обожающей науку и пиво, проскальзывает искра, загорается пожаром – и языки пламени застывают нитями гиф. Это история, сотканная из абсурда, лабораторной романтики и искренней, вечной любви.

Содержание

ИНДУКЦИОННАЯ ФАЗА	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	27
ФАЗА ЭКСПОНЕНЦИАЛЬНОГО РОСТА	33
Глава 1	33
Глава 2	40
Глава 3	48
Глава 4	55
Глава 5	65
Глава 6	69
Глава 7	73
ФАЗА ЛИНЕЙНОГО РОСТА	75
Глава 1	75
Глава 2	83
Глава 3	96
Глава 4	107
Глава 5	115
СТАЦИОНАРНАЯ ФАЗА	127
Глава 1	127

Софья Ковыль

Мицелий

ИНДУКЦИОННАЯ ФАЗА

Глава 1

Вскипела вода, и она кинула в нее полпачкипельменей, на глаз. Сопроводила лавровым листом, солью... Даша смотрела напельмени с любовью и нежностью, мешала их лопаткой из белого силикона. Белый силикон вверху – и гладкое, полированное дерево ручки... Она провела пальцами по нему, вспомнила его диаметр и твердость: половые губы приятно зазудили. Воспоминания об этой ручке были приятны до стыда, стыдны до блаженства... Она потерла ноги друг от друга, ловя подступавшее тепло.

– Варитесь-вари-итесь, детки мои, конфетки мои... А тебя, мистерпельмень, – она выловила один, поднесла к губам, – я люблю больше всех. Люблю твое тесто, то, что ты похож на кожу и то, что что ты так вкусно пахнешь... и то, что ты, наверное, такой теплый.

Даша взяла его в руку – обожглась, снова кинула в кастрюлю, кастрюля ответила плевком кипятка.

– Ай! – она прижала обожженную руку ко рту, провела языком, – Ну, не очень-то и хотелось, тоже мне! И вообще вы еще не сварились, вот... Тоже мне.

Даша стукнула крышка о кастрюлю, обиженно села за стол, спиной к плите.

– Ну и не надо, ну и...

Безответная любовь была характерной и, как ей казалось, неотъемлемой частью Дашиной жизни. И не важно, о чем идет речь: ибо нас творит Судьба, а Судьбе этой все едино – что одноклассник, что учитель пения, что пельмень...

Тем временем на таймере, отмерявшем готовность пельменей, оставалось еще пять минут. Она сидела и часто-часто смотрела на часы, на нарисованную стрелку, пикселями пробегающую по нарисованному экрану. Точнее, конечно, стрелка никуда не бежала: Даша знала это. Да и стрелки, собственно говоря, никакой и не было – одна цифровая иллюзия...

Даша лишний раз вспомнила, сколь обманчиво восприятие и относительно бытие. От этого становилось душно и тоскливо, так что рука сама легла на маленький генератор счастья, конвертированного в эндорфины: продавila ткань шорт внутрь, между половых губ. Потянула вдоль – ткань смялась и промокла до пальцев. Потянула еще и еще раз, растирая возбуждение по клитору... Отняла руку. Экран – смахнуть вверх – таймер: оставалось полторы минуты до готовности. Тоска. Даша стала тереть быстрее, стараясь успеть кончить раньше таймера, раньше первых нот «Cosmo Jazz»

или как там называлась та дурацкая мелодия...

Возбуждение спало, оставив мокрый холод. Даша не вставая открыла холодильник: легко жить в кухне два на два. Как назло, из пива было только экспериментальное, рукотворное: претензия на грант авторства завлаба. Дарования, нашего Солнца! «Брожение смешанных культур», чтоб его.

– За ваше здоровье, Сергей Гавриилыч! – Даша подняла бутылку без этикетки, смотря в полупустой, не радующийся здоровью Сергея Гавриилыча холодильник, и опрокинула ее к горлу.

Таймер затиликал. Даша вдохнула с шумом и удовольствием, медленно выдохнула – дно бутылки стукнулось об стол.

– Ну, хороша, чертовка, не спорю-не спорю... Конечно, «Солнце» же наше, Со-о-олнце... – не без зависти протянула Даша.

Кто знал, что стажировка в лаборатории «биотехнологий смешанных культур» так сильно, так неотвратимо бьет по самооценке? Кто знал?..

Даша встала, с болью оторвав голые бедра от стула, выловила дырявой ложкой скромную свою порцию пельменей: сорок два белых тельца. Ровно. Верно, чтобы придать ее жизни осмысленность и цель. Она бросила в тарелку и лавровый лист, поставила на стол кружку с безразличной надписью «Выпускнику!», налила туда инновационно-революционного пива – и, наконец, села есть.

Глоток – пельмень, глоток – пельмень... Глоток – положила на ложку горячий, в пару пельмень... И вдруг Даша поняла, как красив и ярок, безумен мир, и еще кое-что:

– Знаешь, а теперь-то ты никуда не уйдешь, никуда-никуда.

Даша улыбнулась ложке, коснулась губами мягко-горячего теста... И пельмень ответил на ее поцелуй: дрогнув плотью о плоть, растворился в мироздании и Дашиной тоскующей, одинокой, ни-для-кого любви, собрался обратно, по атомам.

И жидкое тепло собралось у ног Даши.

– Ты ж мой пельмешек...

Она взяла его в руку: он почти не жег. Собрала губы в трубочку, подула на него, прижала язык: тепло, только лишь тепло. И тогда Даша дрожащими от восторга и страха руками стянула трусы и шорты, кинула их под стол – они совсем не нужны, совсем-совсем...

И среди столов и стульев деревянных, в белой краске, среди «под кирпич» обоев с тонко-зелеными листьями на них, среди мягких лучей заката – Даша приложила маленький, теплый-теплый пельмень к бедру. Опустила ниже – к лобку, вдоль губ...

– Ай-й, с-с-сш-ш...

Даша поморщилась от жара, выгнула спину, и пельмень в ее руках, ее пальцы в масле и сметане вошли глубже, раздвигая алые малые губы. Она сжала мышцы бедер, задрала

голову: ее пальцы двигались поступательно. И Даша положила голову на плечо, дыша глубоко и часто, со стоном, и отрешенно и безразлично стала наблюдать, как пельмени на ее тарелке размножаются почкованием. Растягивалось тесто, едва вмещаая удвоившийся комок мяса – рвалось по шву – тесто достраивалось до целого...

– Ох уж эти пельмени, – заметила Даша.

Пельменная биомасса вывалилась из тарелки, скрыла ее под собой, заполнила стол, скатилась на пол и стала принимать форму человека. Пельмени выравнивались, оставаясь обособленными: руки, большие и сильные, ноги, титанически широкая грудь, нос – наконец, Пельменный Человек вдохнул полной грудью.

Дашина рука остановилась, пельмень в ее и его собственном соке остался в руке.

– Ты кажешься мне знакомым.

Пельменный Человек хитро улыбнулся: в нем явно было второе дно.

– Нужно доверять вышестоящим, Дарья Андреевна...

На секунду Дашу смутило это обращение по имени-отчеству, но она, конечно, поняла, что так и должно быть. Пельменный Человек взглядом указал вниз, на свой пах: и Даша видела, как пельмени один за одним выстраиваются в башенку, сливаются – края верхнего разбухают, загибаются вверх... Даша положила руку на его теплую и сильную ногу, аккуратно, стараясь не порвать нежное тесто, отодвинула

нижнюю плоть, лизнула, боясь сорваться и откусить, пельмене-головку.

На вкус она была чересчур перченой.

Человек сохранял невозмутимость, но, в целом, выглядел добродушным. С хитринкой. Он кивнул ей, Даша поняла без слов: встала, легла локтями на стол, выгнула спину – в ее узкое, влажно-девственное влагалище с легким жжением вошел его член...

«До чего он похож на Сергея Гаврилыча,» – радостно и как-то растерянно подумала Даша. И отдалась проступавшему из-под кожи, тянущему блаженству.

Сперма Пельменного человека была похожа на вязкий, горячий бульон. Даша смыла ее в душе, едва не смыв и свое тело, и уснула. Коврик в ванной был мягок, приятен, и пах плесенью. Даше показалось, что в полудреме ее кто-то поцеловал в лоб. Кто-то, пахший вареным мясом.

Глава 2

«Да уж, вот это накрыло так накрыло... А главное, с чего бы вдруг? Впрочем, надеюсь это был сон. Молю, просто сон!» – так думала Даша, помешивая ложкой растворимый кофе. Он был противный и пах гречкой, но зато он был. Молотый кончился, как всегда, не вовремя.

Мало что в ее жизни происходило вовремя, надо сказать. Вот, скажем, сейчас, ранним утром, какая-то там «стажировка с прицелом на трудоустройство» ее интересовала меньше всего – но на нее надо было идти. Надо было поесть, одеться, сесть на трамвай, потом – автобус, а там уже и...

Главное, не опоздать.

Даша вылила остатки (три четверти) кофе в раковину, кофе закруглилось до гиперболоида и истончилось, уходя в сток.

– Ту-ту-ру-ру, ту-ту-ту...

Поставила кружку на полку, ударила себя по щекам:

– Так, все, Дарья, больше никаких пельменей на ночь глядя! Хватит-хватит-хватит об этом думать! Это все сон, да, просто сон... И сон этот, Дарья, прошел, а нас все еще ждут великие дела!.. Мытье пробирок там, все дела, – с грустью закончила она.

И боевым шагом направилась на свершения: ванная с зеркалом, отражавшем, к сожалению, только ее внешнюю кра-

соту, – комод с еле выдвигавшимися ящиками – обувная полка...

Выходя их дома, Даша была в безупречно-обычной форме, с рюкзаком под мышкой и пучком о четырех шпильках. Словно бы не было никакого «Пельменного Человека», словно бы он не был похож на Сергея Гавриилыча... Последнее вспоминать было особенно стыдно.

– Это не любовь, не любовь, не любовь!.. Это переработки! – проговорила про себя Даша. Вслух это звучало почти убедительно. – И все, и больше никаких пельменей! Месяц. Нет, лучше год!

И она решительно топнула ногой, до щелчка сдвинула щеколду и вышла в по-весеннему теплый, но все так же враждебный внешний мир. Под ее ногами прошлогодняя трава мешалась с грязью, после – сменилась неровным, в трещинах, асфальтом.

«Может, лучше было бы все бросить, остаться дома? Но...» – Даша не хотела даже додумывать фразу, но знала ее продолжение: «но что я буду делать, оставшись совсем одна?». Это было даже смешно, так цепляться за хоть какое-то общество, даже если оно утомительно, даже если оно не по сердцу ей.

Даша мотнула головой, воткнула наушники, – они по-разному лежали в ее разной формы ушах, – и заглушила тоску декадансом: «Елы-палы, киска, все такая ерунда-а... А-а-а, а-а!»

Глава 3

Вход в лабу был со двора, рядом с табличкой «Круглосуточный нарколог». На табличке почему-то был некрасивый лев. Как львы связаны с наркологами, Даша не знала, но могла предположить.

1) Лев – он Царь Зверей, а нарколог – Царь Врачей! Или чертей. Или как посмотреть.

2) Лев не выходит на охоту. Никогда. Самки сами приносят ему свежую, готовую к употреблению добычу.

3) Лев – кот. Значит, ласковый, значит, душеспасительный...

«Какого пельменного цвета этот лев,» – подумала Даша между предположениями.

Как бы то ни было, она вынула наушники – они примагнитились, встали в пазы кейса – хлопнула крышка. Даша собралась с духом и толкнула дверь. Серые ступени одного пролета, такие же – второго, и, наконец:

– Здравствуй, Даша! – Света-с-ресепшена улыбалась лучезарно, как и всегда.

Ресепшен – нарост, необходимый, если лаборатория совмещена с офисом. Если компания коммерческая. Независимая. С такой же коммерческой лабораторией.

Даша кивнула Свете, прошла мимо, в гардероб – там ее ждали шкаф, одни-и-только-одни свободные плечики, пу-

фик с облезлой кожей и, само собой, гора из обуви тех, кто уже пришел, и тех, кто не вернется сюда никогда. Конечно, речь шла о предыдущих временных сотрудниках: их босоножки, шлепки и туфли на плоской подошве неизменно и беспрестанно напоминали Даше (да и кому угодно) о том, что работать здесь – не хухры-мухры, что временно работать здесь – не хухры-мухры, что не каждый справится! И что быть стажером – это достижение и честь, недоступная для мягких мозгов и кривых рук многих и многих кандидатов в Постоянные Сотрудники...

Даша, однако, долго не могла понять, почему это все не выкинут. Жалко? Экс-стажерам лень прийти? Они боятся? Их никогда и не было? Но сегодня Даша поняла и увидела: это не гора обуви. Это надгробие.

Даша бросила ветровку на плечики, сунула ноги в ортопедически-серые тапки, раскрыла шкаф, взгляделась в до боли знакомую куртку цвета хаки. На взгляд обычную, на самом деле – какого-то модного французского бренда: la kurtca, так сказать.

– Сергей Гавриилыч, ах, Сергей Гавриилыч, зачем же так радикально подходить к увольнению? Голова с плеч и – шлепки в угол...

Даша имела дурную привычку разговаривать сама с собой.

Представить это было легко. В конце концов, Сергея Гавриилыча все боялись: надо думать, не просто так. И Даша

его тоже боялась.

Вдвойне забавно было, что среди лаборантов его называли «Сегой». Вдвойне жутко, что его так называли, вдвойне глупо.

– Ну, да на то воля твоя, Сергей Гавриилыч, – раболепно прошептала она.

Очистила карму.

Чистка кармы,

Очистки, картофельные очистки,

Мягко-грязная кожура *Solanum tuberosum*...

И вдруг Даше пришла в голову дурацкая, безумная, ни-в-какие-ворота-не-лезшая мысль: что если la kurtca Сергея Гавриилыча пахнет пельменями? Она обернулась: здесь никого, конечно, не было. Никто не увидит, никто не узнает, не услышит, не заберет и не выкинет ее тапки, не заберет, не сожжет ее халат, не сожжет ее в халате, никто-никто-никто...

Когда она сжала руками прохладную, гладко-чистую, огромных размеров куртку, она не почувствовала ничего, кроме древесных духов и сладкого аромата дрожжевого брожения. Кровь забилась в ушах, Даша прижала куртку ближе к телу, в полубезумии шагнула в шкаф.

Запаха пельменей, конечно, не было. Ни капли.

Щелкнул дверной замок.

И вдруг – ее сжало: каменно-твердые мышцы и спокойное, хищное дыхание заместили ее воздух, свет, весь мир. Дашину шею колола борода. А рука Сергея Гавриилыча по-

двинулась, расплющив под свитером ее грудь, пальцы легли на горло, но не сжали.

От них было тепло и приятно: его руки пахли хлебом, дрожжами. «Вот и все,» – подумала Даша.

- Что это мы тут делаем, стажер?
- Н-нюхаем к-кофту, Сергей Гавриилыч...
- Кофту?

Он говорил по-кошачьему ласково, лицо Сергея Гавриилыча озарилось улыбкой:

- Ах, кофту?
- Ку-уртку, конечно же! – радостно ответила Даша.
- И чем же она пахнет?
- Не пельменями, – разочарованно сказала она.
- Что ж.

Сергей Гавриилыч нервно и даже смущенно хмыкнул, отдернул руки от Даши, опустил голову и вышел, не закрыв за собой дверь: только надулись и опали полы его белого халата.

«Из лабы? Не сняв халата? Как же так,» – растерянно подумала Даша. И, спохватившись, с сожалением все-таки выпустила из рук куртку.

Пожалуй, Пельменный Человек пугал меньше, хотя и не так, оказывается, чудесно пах.

Сердце в Дашиной груди билось часто-часто. Вероятно, от испуга. Или?..

Глава 4

Она пихала ёршик глубже и глубже в горло пробирки, возила его по стенкам с подавляемой агрессией, но пластиковая щетина почти не гнулась, застревала, и коагулят из белков и жира никак не отходил. Иногда Даше казалось, что некоторые пробирки проще переплавить, чем отмыть, но и сегодня она не поддавалась наваждению: вытащила ёршик и взялась за стеклянную палочку. Лучше уж так. Тише едешь, дальше...

– Ты сегодня какая-то странная. Что, магнитные бури? – сказал Паша.

Он тоже стажировался здесь, хотя учился на курс старше. На курс старше, но рядом с ней. Было в этом что-то странное, было в этом что-то почти милое. Даша повернула к нему голову, улыбнулась до щербинки между зубов. Паша тоже улыбнулся: собрал в кучу пятна веснушек. Рыжий, с глазами навывкате. Как та страшненькая королева Англии, кажется, Елизабетзфзтф. Значит, по-королевски рыжий, по-королевски навывкате...

– Между прочим, вчера было северное сияние. Так что факт магнитных бурь я отрицать не могу, – серьезно ответила Даша и с силой толкнула палочку по стенке, соскабливая осадок. Почти, почти!..

– Ну и как это связано?

– Я не распознаю шутки, которые говорят серьезным голо-
сом. Оказал бы милость перед пропастью моего сомнения...

– Не, реально, как связано-то?

– Ну, как, – Даша открыла кран, набрала в пробирку воды. Выплеснула. Почти чистая: вопрос полуминуты. – Солнеч-
ный ветер огибает магнитное поле Земли... или оно откло-
няет его. Все вместе. А когда не отклоняет – рассеивание в
верхних слоях атмосферы, цветные полосы... Что-то такое.

– Сама нифига не знаешь, выходит.

Даша не стала спорить. К горлу подкатила злоба и стыд,
и Даша стала медленно и с наслаждением представлять, как
Пашу затягивают в высокий, противоблошиный воротник,
как его ведет к гильотине, зажав рыжую башку под мышкой,
сам Сергей Гавриилыч. Лица его, конечно, не видно, но все-
то знают, что это он. Огромный, со спокойно-львиной гра-
цией в широких ногах, руках, груди... Идет и скучает.

Даша рассматривала его в подробностях: его бороду, его
зло-усталые глаза. Понимала, что помнит его не очень-то хо-
рошо – не разглядывала его, как-то. И тогда – попыталась
восстановить в памяти тяжесть, запах сегодняшнего утра...

Не смогла. Наверное, ничего не было – конечно, не могло
быть – ей привиделось. Как привиделся вчера и...

– Да черт! – и Даша взяла еще одну пробирку. Она отмы-
валась значительно легче. Потом – еще пара колб и...

– Что «черт», Даш?

– Да ничего, – соврала она.

Конечно, Паше лучше не рассказывать о Пельменном Человеке. И все-таки хотелось – до хулиганского зуда в груди, до иного – между бедер.

Она сжала ноги и сказала:

– Паш, а что тебе сегодня снилось?

– А, это... Да ничего не снилось.

Врет. Точно врет. А на вранье – вранье:

– Понима-аю... И мне.

Конечно, палач Сергей Гавриилыч не стал бы лишать Пашу его рыжей головы: избыточна кровь. Избыточно гниение, избыточна смерть. Избыточны в и без того избыточном мире две единицы вместо одной: голова и тело, голова отдельно от тела...

Хотя, конечно, его мышцы и жир могли бы пойти на удобрение грибниц, но зачем? Куда лучше и приятнее сменить казнь на рабство.

Рабство.

Рим.

Тоги и гладиаторы...

Гладиаторы – рабы.

В Древнем Риме патриций не мог быть палачом: лишь рабом.

И Сега, конечно, не был патрицием – рожденный в рабстве, он бы ходил в грубом холсте, рвал пасти львам и насиловал жен своего хозяина... или дочерей. И ее: как жену, или наложницу, или дочь. Или в Риме не было многоженства?..

– Фу, блин...

– Что такое? – Паша почти испуганно посмотрел на нее, в его руках замер ёршик.

– Да ничего.

– А если честно?

– Да в голову мысли лезут всякие, того, странные.

– Расскажешь? – он улыбнулся, положил на бок голову, подставив ухо солнцу.

– Тебе не понравится, – сказала, не продолжив: «ведь ты был в них рабом где-то на границе Англии шестнадцатого века и Древнего Рима».

С историей Даша, к сожалению, не дружила.

Наконец, разобралась с очередной пробиркой, зажала скобу, выпустив из десятилитровой банки струйку дистиллированной воды, сполоснула, поставила на сушку.

Лабпосуды оставалось не так много. Тем более, скоро время поливать грибницы.

Минута.

Пять.

Десять.

Сергей Гавриилыч зашел не здороваясь, поставил рядом с раковиной картонную коробку с грязным, разной формы стеклом – удар коробки о стол передался стеклу, то ответило коротким звоном – сказал:

– Это потом помоете, идите намешайте буфера и растворы для ПЦР'ки. Концентрации как обычно, буфер ноль-два-

молярный, фосфатный.

И ушел, хлопнув дверью. Даша поежилась, все ждала, когда он вернется и задушит ее курткой, что она обнимала, но, кажется, все было как обычно. Даже странно.

– Сега, конечно, как всегда.

– А что, он должен говорить тебе «пожалуйста»?

Паша сморщил нос, по непередаваемому сочетанию эмоций и морщин стал похож на рыжего гуся.

– А что ты его защищаешь, он тебе че, муж, что ли? Ушел бы отсюда давно, все равно ни к чему толковому не подпускают, только «помой это», «принеси то»...

– Так уходи, – Даша и сама не знала, что ее так задело. Но задело. – Я тебя останавливать не буду.

– У-у-у, я-то думал, что ты хорошая, а ты вон какая... –

Паша улыбнулся, растянув сухие губы по деснам.

– Это шутка?

– Да ну тебя, – он сполоснул дистиллятом пробирку, вытер руки о халат и пошел к столу, затянутому побелевшим от времени полиэтиленом. Взял штатив с чистыми, как слеза стажера, пробирками, полез в шкаф с сухими расходниками...

– И впрямь, да ну меня, – сама себе кивнула Даша. Тоже надела очередную пробирку на жердь сушилки и пошла к нему. К коллеге. Всего-лишь-коллеге.

Работа была простой. Работа была рутинной. Только уставала спина, только болели руки, только тошнило от сладко-

го запаха сула и дрожжевых и бактериальных сред из соседних, пищевых лабораторий... Только Сега говорит мало и все – не ей. Ерунда.

Человек ко всему привыкает. И Даша почти привыкла. Она открыла створку аналитических весов, поставила лодочку из полистирола, тарировала. Эти лодочки должны быть одинаковыми и так, и все же Сергей Гавриилыч сильно злился, когда узнавал, что тарировали не каждую, а так, по одной из партии. «Сергей Гавриилыч не терпит халтуры,» – сказала ей Света-с-ресепшена, когда Даша пришла в первый раз.

Теперь Даша знала, что это было предупреждение. Хорошая девушка Света. Спасибо хорошей девушке Свете...

– Тебе правда нравится здесь?

У Паши сегодня было крайне разговорное настроение.

– Нравится, – бросила Даша. Взвесила 523 миллиграмма дигидрофосфата калия. Нет, 523,02 миллиграмма. Вот и играйся теперь: отсыпай, досыпай...

«Никогда ничего не возвращай в сток! Ни-ког-да, ни-че-го,» – это уже говорила не Света, а Лена. Тоже стажер. Бывший стажер, так и не ставший не-стажером. Даша помнила, что она куда-то ушла, может, перевелась в другую лабу. Или пропала без вести. Не одно ли и то же в этом огромном, бетонно-сером городе? Одно.

Теперь – гидрофосфата калия, дистиллят... Так, гидрофосфат – дистиллят, до литра...

– Уже сама с собой разговариваешь?

– В смысле?

– Ну, стоишь такая: «гидрофосфат, гидрофосфат»...

– Я не заметила.

– Странно-странно... Кстати, агарозу нам тоже готовить?

– Если она есть, то должна быть где-то там, – Даша неопределенно кивнула головой куда-то к шкафам. – Ну, сам же в курсе, что у меня спрашиваешь? Давай намешаем, на всякий случай. Если что, в холодильник кинем...

– А может, все-таки не надо? Травится еще всяким, бромистым итидием... Ну его, а?

– Ну и не делай, что у меня-то спрашиваешь? Блин, сбилась из-за тебя!

– Мне кажется, ты скорее из-за себя сбилась, чем из-за меня. Ты сегодня где-то не с нами, а? Даша-а, ау-у-у...

Паша снова растянул рот в улыбке, открыл холодильник со стоковыми растворами. Бесит.

Успокоиться.

Выдохнуть.

Работать.

– Слушай, Паш, а тебе правда здесь совсем не нравится?

– Ну, думаю, скорее нет, чем да...

– «Нет» в смысле «нравится» или?..

– Или.

Он взял дозатор на 10-100 мкл, откинул крышку на коробке с «носиками», надел один из них. «Носики». Неоправданно милое название для такой пластиковой ерунды, как

наконечники, но Даше даже нравилось это «носики»...

– А почему?

Паша помедлил, крутя кнопку дозатора. Выставил 20 мкл. Остался доволен.

– Ну, как тебе сказать... Не то чтобы работа плохая или вроде того. Но как-то, это, хочется чего-то другого. Как-то неуютно здесь. И, чего уж там, не особо престижно. Работать бы в какой-нибудь ферме или хотя бы морозоустойчивые помидоры выводить, а это... что это такое? «Брожение смешанных культур», блин... Хрень полная.

– Ясно.

К горлу Даши подкатила тоска. И обида. Она и сама не знала, почему.

– Не-не-не, – Паша мелко замотал головой, откручивая крышку с фалькона. – Ничего еще не ясно! Я же не договорил, ну?

Даша промолчала. Значит – «говори уже».

– В общем, это... хрен с ней, с темой. Главное – какими именно смешанными культурами мы тут вроде как занимаемся, а? Вот ты знаешь?

– Сам знаешь, что не знаю.

– Вот и я не знаю. А надо бы знать! В конце концов, это же что-то невообразимое просто – не понимать, что и зачем ты делаешь. Вот замешиваем мы эти растворы, моем пробирки, выделяем какую-нибудь фигню из какого-то переданного нам «сверху» раствора... А что это такое? Чей это материал?

– Наверно, дрожжей.

– Наверно, – Паша сморщился, передразнивая ее, нажал кнопку дозатора до второго упора, выбросил раствор. – В том-то и проблема, что мы не знаем. И спрашивать бесполезно. Думаешь, я не пробовал?

Даша не успела об этом подумать. Но не стала об этом говорить.

– А я пробовал! Кстати, у Сеги лично. Он меня чуть ли не послал, в общем... А если у кого-то другого, то тебя, скорей всего, просто проигнорируют. Или скажут, что сами не знают, может, даже не соврут, может, один Сега и знает, чем на самом деле мы тут занимаемся...

От его слов было тоскливо и неудобно. Холодно. Страшно. Но Даша не знала, что им противопоставить.

Просто старалась не думать об этом.

Не думать.

– А что, если так? – нарочито громко спросила она. – Ну, давай, допустим, что досконально все знает один только Сергей Гавриилыч, что тогда?

– Да ничего. Просто это все плохо пахнет: мы не знаем, что мы делаем, ради чего мы делаем... Да отсюда не вышло ни одного реально патента, насколько я знаю. Ни одной толковой статьи. И все-таки откуда-то у Сеги есть деньги на... на это все, в общем. Ты знаешь, сколько стоит амплификатор?

– Не знаю.

– А он дохрена стоит. Просто дохрена. А ты знаешь, что Сега заказал сюда «иллюмину»?

– Это которая... – Даша ловила слова, что беспорядочно и как-то бессмысленно всплывали в памяти: «сенквенирование», «второе поколение», «амплификация»...

– Которая да.

– Понятно.

Паша замер в растерянности: «понятно». Всего лишь «понятно». Помолчал с две минуты, наконец:

– В том-то и вопрос, что ничего не понятно.

Рука Даши дрогнула и она перелила воду: теперь не литр. Теперь литр сто. Черт!

– Слушай, достал ты уже! Сколько можно? И это «Сега»...

– Да почему что это все подозрительно, ну? А если это «что-то» не вполне законное? Что тогда? Продолжишь своего Сергея Гавриилыча, – «Сергей Гавриилыч» он произнес тонко-пискляво, издевательски, – обожать, да? Холить и хвалить, да? Будешь ему передачи в тюрьму носить, носочки-пирожочки, или, может, составишь компанию?..

Даша ударила кулаком по столу – истерично забегали цифры на табло аналитических весов:

– Да я просто устала это слушать! Сколько можно-то? Вот бывает у тебя такое, ну... Ты как... я не знаю даже как кто. Ну, уходи отсюда, уволься, наконец, и найди себе что-нибудь по душе, получше, иди ты в свою дурацкую ферму. Я не пойму, что тебя здесь держит-то? Только и может, что на мозги

капать своими дурацкими предположениями, догадками. И может даже и не дурацкими, все равно. Ну, давай, что ж тебя здесь держит, ну?

Паша перестал улыбаться. Теперь он смотрел как-то грустно, даже побито. Отвернулся от нее.

– Деньги, – просто и коротко сказал он.

Может, это было правдой. Может.

Когда они, наконец, закончили, Даша минут пять писала смс-ку Сергею Гавриилычу, получив в итоге: «Здравствуйте, выполнили. Можете забрать. Что теперь?».

Через пять минут телефон прожужжал, на экране высветилось два слова: «Ок. Грибница».

Глава 5

В теплице было влажно и душно. Душно-в-двойном-объеме: приходилось дышать через респиратор. Простой, бурозеленый, с двумя пластмассовыми бляшками по обе стороны носа. Иначе – споры грибов, может, даже микотоксины... И было жарко-в-двойном-объеме – поверх одежды, за место халатов, были спец-костюмы из полиэтилена и хлопка. Даша провела ладонью по плечу, стараясь вытереть пот – куда там. Только размазала тонким слоем между кожей и спецовкой.

Скоро пот снова соберется в капли. И всего-то.

Паша что-то сказал, но она не поняла: понять мычание было довольно трудно. Конечно, если ты не корова. Конечно, Даша надеялась, что коровой она не была... Хотя не исключено, что все коровы живут в тотальном непонимании друг друга друг другом.

Даша развела руки, похлопала по уху: «не слышно».

Паша кивнул, указал пальцем на стенку: «сними температуру и влажность, ок?».

Даша кивнула: «ок». Показала на многоуровневые грядки грибницы, перебирая пальцами: «полей пока».

Паша снова кивнул.

Дашина рука чуть помедлила. Остановилась на пол пути – и все же изобразила щепоть, подвигала пальцами, указала

на него и себя: «Потом будем споры собирать, ок? Вместе».

Паша кивнул.

И тогда Даша записала в блокнот цифру, у которой остановился окрашенный красным спирт, дальше – стрелка-давление, стрелка-влажность воздуха... Воткнула влагомер, аккуратно, стараясь не задеть белеющие в почве тонкие гифы. Даша подумала, что все же здесь было безумно красиво. И все же здесь все, в отличие от той стерильно-белой лабы, дышало жизнью. Плелся в грунте мицелий, смешивался с корнями, – корни вырастали в кусты, кусты стояли под сиреневыми лампами, – гифы и корни завязывались в узлы, и если долго смотреть на них, то, казалось, можно было видеть, как они своими белыми телами раздвигают влажно-черную, жирную землю, перегнивающие листья.

А может, Даша внушала это себе: то, что она видела. И все-таки грибницы росли. Неспешно и неумолимо. Поэтому везде, где была почва, теплица кончалась листьями стали: в уровень и на десять сантиметров выше. На всякий случай. Даже учитывая, что теплица, занимавшая целый этаж, была высоко над землей – так куда гифы могли бежать? Некуда!..

Но стальные листы были. И на вентиляции стояло несколько фильтров, исправно меняемых ежемесячно. Или еженедельно?.. Даша не помнила. И все равно фильтры всегда были черные от спор.

А земля впитывала влагу, затягивая разрывы на своей высухавшей, твердевшей коже: грибы пили много влаги. Даша

подошла к стеллажу у противоположной стены, взяла пробирки типа Эппендорф и одноразовые, пластиковые пинцеты: Сергей Гавриилыч стерилизации многоразовых, металлических не доверял. По крайней мере здесь.

Пришло время собирать споры.

Даша методично шла вдоль грядки, поднимала пинцетом отдельные нити плесени, отрывала их вместе с черными точками спорангиев. И еще. И еще немного... Она любила теплицу. Ей казалось, что она здесь – ради этой теплицы. И ей радостно и приятно до вагинальной дрожи было представлять, что такие белые гифы раздвинут пучки ее мышц, ее молочные железы, ее плоть – медленно и неотвратно прорастут в нее.

Конечно, глупо.

Конечно, в этом ничего приятного, на самом-то деле.

И все-таки Даша любила грибы. Упругие плодовые тела – и тонкие, влажно-хрупкие нити.

– Рвы-ы-ы-ыхы-хы... – засмеялась Даша через респиратор.

Паша вздрогнул и испуганно посмотрел на нее: «ты куку?»»

– Ы-ы-ы! – радостно ответила Даша.

Она видела, как он закатил глаза, несмотря на то что в его защитных очках отражался свет от сиреневой лампы рядом.

Даша улыбнулась и продолжила жить в рутине. Снова вспомнилось утро. Она попыталась достать из памяти запах

куртки – но вновь вспомнила только то, что он ей понравился до биения крови в ушах. И тогда она стала вспоминать тяжесть, силу его рук – широких рук, теплых, черно-волосатых даже через длинные рукава лабораторного халата рук...

Повторив ощущение давления-и-тяжести двадцать три раза, до безвкусия, до онемения и механического повторения в уме фразы «его руки теплые и тяжелые», Даша стала представлять, какой у него, должно быть, горячий, широкий член. Конечно, он напоминает гриб, – должен напоминать гриб! – но совсем чуть-чуть. Даже не просто гриб – плодовое тело *Phallus impudicus*.

«Фал-лус импьюдикус-с...» – медленно, с придыханием повторила Даша, чувствуя и растирая беспокойное, внезапное возбуждение. Через респиратор слов было не слышно, они смешались с дыханием. Ей стало трудно стоять, она оперлась руками в латексные перчатках о бортик грибо-грядки, но продолжила собирать споры. Скоро – плодовые тела, затем – отдельная теплица вечнобольной пшеницы. Почему ее не вылечат? – наверное, так надо.

Наверное, не могут...

Было чуть больше шума, чем обычно. Даша не замечала этого. Когда замечала – игнорировала, боясь обернуться, кормя в голове, конечно, ложный, конечно, чудесный образ Сергея Гавриилыча:

Она в двадцать четвертый раз воскресила ощущение тяжести и давления и, наконец, – твердую тяжесть и давление

ниже, там, где соединились бы его и ее ноги... Тяжесть члена, входящего, нет, не могущего войти в нее члена...

Члена, похожего на гриб.

Члена с белыми гидами сосудов в его теле – в ее теле...

Даша задохнулась, согнулась пополам, выронив очередной эппендорф, и через спецовку сжала ладонью полную жары крови, бьющуюся пульсом вульву. Расплющила влагу из скопившихся пота и смазки.

Ее тело ответило блаженством.

– Даша! – наконец, ясно и четко услышала она.

Это говорил Паша.

Слишком ярко и четко.

– Даша, тебе плохо? – он стоял, отодвинув ото рта и носа респиратор, и испуганно смотрел на нее.

Даша не хотела и все равно засмеялась. Дурак, дурак, дура-ак... Она смеялась и трясла головой, не в силах разогнуться, держалась рукой за край грядки. Не в силах перестать выплёвывать жирные, царапавшие горло куски смеха. На глаза навернулись слезы.

А Паша выдохнул и медленно, до глубины потянул в легкие воздух и зависшие в нем споры. Споры, споры, несчетное множество спор...

Паша не хотел и все равно с шумом упал на пол. В обморок.

– Да черт!..

Это была бы смерть храбрых.

Паша сгинул в неравной борьбе с пороком.

Вот так вот. Бесславно.

– Х-ха-ха, ха-а...

Даша набрала пин-код разблокировки телефона с тринадцатой попытки: пальцы не гнулись, экран плохо чувствовал ее пальцы через перчатки и защитный чехол, мозг отказывал, руки тряслись. И все же она написала: «Сега, в теплице упал Паша!!!».

Ответ высветился незамедлительно: «ок».

«Немногословно,» – восхищенно и растерянно подумала Даша. Подошла к еле-дыханному телу Паши и аккуратно вернула на место респиратор. Благо, отпечатков она оставить не могла: у нее ведь перчатки.

ФАЗА ЭКСПОНЕНЦИАЛЬНОГО РОСТА

Глава 1

Не успела Даша убрать от Пашиного респиратора руку, ее ладонь накрыла чужая: более тяжелая и теплая, чем она запомнила. Даже через ее и его перчатки теплая. Сергей Гаврилыч был здесь: без спецовки и респиратора, он замер, напряженный и странный.

Когда он изящным и легким, напоминавшим становую тягу движением поднял тело с безвольно-рыжей головой, то не издал ни звука.

«Он не дышит,» – поняла Даша. И тут же успокоила себя, – «В смысле, задержал дыхание».

И через полминуты они были в маленьком, отделявшем от мира «заразную зону» помещении. Ибо сила ног соразмерна силе духа, а духа Сергею Гаврилычу было не занимать.

Свистел теплый воздух обдува. Даша знала, что его прогоняют через ультрафиолет. Сега бросил Пашу на скамью (голова смешно повисла под своей тяжестью и тяжестью респиратора), повернул голову к Даше:

– Снимай, – прошипел он сквозь зубы. В его глазах были

видны сосуды.

Даша кивнула и стала раздеваться. На стене был плакат – она повторяла за нарисованной усталой женщиной: опустила руки во внешних перчатках в дезраствор, намочила полотенце – протерла респиратор – промыла, комбинезон – промыла, обмыла ноги в бахилах – сняла бахилы, внешнюю пару перчаток...

Руки и ноги не слушались – стресс, возбуждение, яростный взгляд Сергея Гавриилыча, но Даша успешно разобрала себя на Дашу, ТОБ [твердые бытовые отходы] и ПОИ [повторно обрабатываемые изделия]. Сергей Гавриилыч же стоял и не двигался.

«Все еще не дышит,» – с неверием и восхищением подумала Даша.

Тем временем Сергей Гавриилыч полил Пашу половиной дезраствора для бахил, перевернул легким движением руки – полил второй половиной:

– А разве так можно?

«Сойдет,» – махнул рукой Сергей Гавриилыч.

– Выйди и включи свет, – прошипел тот.

Даша поняла с полуслова: вышла. С радостью вдохнула воздух «чистой зоны». И вдруг – замешательство: какой свет?

– Сергей Гавриилыч, какой свет? Свет же включен!

– Дура, – пояснил свою просьбу Сергей Гавриилыч.

– А-а-а, этот свет! Простите-простите-прости-ите...

Даша перекрестилась и щелкнула выключателем УФ-излучения. «Отче наш» вспоминался с трудом, но никак иначе помочь своему завлабу в неравной борьбе с агрессивным коротковолновым светом Даша не могла.

Время тянулось медленно, неумолимо медленно. Она решила считать трещины на потолке, но их не было. И она медленно и тревожно, с подавляемым страхом переползала взглядом с плитки на плитку, вдоль диагоналей, которыми были выложены стены и пол.

Наконец, спустя промежуток времени между мгновением и вечностью:

– Выключи, – уже совершенно спокойно сказал Сергей Гаврилович.

И она послушно щелкнула выключателем.

– Не то.

Послушно щелкнула другим.

Вслед за Сергеем Гаврилычем вышел Паша: здоровый, бодрый, чрезвычайно загорелый и абсолютно голый. Он смотрел по сторонам блаженным взглядом, обнял Дашу, по-французски поцеловал ее в подмышку, отчего Даша согнулась и захихикала, распахнул дверь – и вприпрыжку побежал вниз, от всей своей рыжей души обнимая перила.

В воздухе повисла растерянность, неясная тревога и... да, это была тоска. Определенно тоска.

– Забористо, – изрекла Даша.

– Не то слово, – устало кивнул Сергей Гаврилыч. – Я пы-

тался предотвратить переход, но излечив тело, нельзя излечить и душу.

– Излечить?

– Дезинфицировать, – Сергей Гавриилыч тяжело вздохнул, белки его глаз покраснели. Может, от той же тоски, а может, от лопнувших капилляров. – Грибница проросла в мозг через верхние дыхательные пути. Жаль. Еще с одним придется проститься...

А ведь Сергей Гавриилыч был титаном. Ведь он держал на плечах небо, его родила мать-Земля самолично, и он смотрел на людей как дефектное подобие прекрасного, совершенного себя. А Даша не хотела быть свидетелем слез или крови титана. Они – верно, жгучие, как лава, они – верно, первое знамение и главная причина пришествия Апокалипсиса...

Все в мире стало далёким, нереальным. Мысли смешались и сжались, расплющив способность думать, способность думать логически...

«Сон, конечно, сон», – подумала Даша.

Лау снилось, что он бабочка

Или бабочке – что она

Лау?..

Даша сжалась и аккуратно, тактично спросила, опасаясь подтверждения худших ее опасений:

– Он никогда не верил, что СИЗ в теплице – не формальность, а, это... необходимость. Значит, голову с плеч?

– Хуже, – бесстрастно ответил Сергей Гавриилыч.

Он был похож на «Падшего ангела» Кабанеля. Не вполне внешне. Скорее духовно.

– Линчевание?

– Если бы.

– Значит, увольнение?..

– Нет, не настолько жестоко, – Сергей Гавриилыч привычно-демонически усмехнулся. — Всего лишь разложение на плесень и на липовый мед. Культ этого так не оставит: снова на удобрения, снова... Впрочем, грибам это на пользу. Да и какое-то количество гиф успеет вырасти в теплой, питательной среде его тела, но столько с этим будет возни, черт... Ну елки-палки, если бы эти стажеры только были способны носить респираторы, – и он тяжело и обречённо опустил на лавку у стены. Уронил голову на замок сжатых рук.

Он – тень, густая и огромная, пусть и в белом халате.

Даша села рядом. Она не знала, как ободряют титанов, но сказала ласково, как только могла:

– В-вы только не плачьте, Серге...

– Сережа, – хрипло сказал он.

– Сережа, – тихо, как мышь, повторила она. И прижалась к его руке. Выдохнула. – Все будет хорошо, да ведь?

Сергей Гавриилыч оторвал голову от рук, посмотрел на нее, лицо в лицо.

Так близко, так тепло, так радостно, так страшно...

Даша забыла, где у нее легкие и как дышать.

Не к месту вспомнила анекдот про ежика.

Улыбнулась, но не засмеялась —

Даша была сильна духом.

– Значит, не пельменями... – едва слышно сказал Сергей Гавриилыч. Сам себе, не ей.

– Что? – не поняла Даша.

– Да ничего. А тебя ведь тоже на удобрения надо бы, – абсолютно спокойно сказал он.

Анекдот про ежика немедленно забылся.

– А может, лучше в постоянные сотрудники?... – с надеждой предложила она. – Я согласна на рабство! Даже на сексуальное! Или на грибное?... Грибо-сексуальное! Только не на удобрения, меня ведь совсем нельзя на удобрения... Мама очень расстроится.

Сергей Гавриилыч задумчиво кивнул. Крайне задумчиво.

– Что ж, Дарья. Хорошо. Пройдемте в душ.

– А тот?..

– Отловят.

– А зачем в?..

– Для дезинфекции ценнейшего из сотрудников. Ну, вдруг он в обморок упадет, а он один, совсем один...

– Вы о вас?

– Я обо мне, – безэмоционально сказал он. И устало добавил, – Халат и одежду, пожалуй, придется сжечь... но потом.

Он опер руки в колени и рывком встал, снова высокий, снова широкогрудый.

– А я точно не умру?.. – осторожно поинтересовалась Даша.

– Обязательно умрешь. Но потом, – философски заметил Сергей Гаврилыч. И добавил, – Не пельменями, хм-м...

Глава 2

Когда Сергей... нет, все-таки Сережа снял с себя лабораторный халат, треники, клетчатую рубашку и майку-алкоголичку, Даша окончательно уверилась, что без грибов тут не обошлось. Или грибо-пива. Или хотя бы сна...

Потому как он был прекрасен. От ног до ногтей, пусть один из них, на ноге, был разбит надвое и пожелтел, пусть его кожа была покрыта растяжками у крупных бугров мышц, пусть его ноги заросли волосами от лодыжек и, клином, до пупка – все-таки он был прекрасен. Почти совершенен. Ровно до того «почти», чтобы не стать пластмассово-неправдоподобным – а значит, более-чем-абсолютно прекрасен.

Аполлон греков – вторичен.

Аполлон первобытного человека – истинен:

Прежде всего должен быть сильным, выносливым,

Достойным женщины с широкими бедрами и жирного куска мамонта...

Даша часто думала обо всяком отвлеченном, когда стоило бы приземлиться. Это ей немного мешало, но, вероятно, даже берегло. Она помотала головой, отгоняя всякие глупости, уперла взгляд в пол, стараясь не смотреть на него, совершенно нагого перед ней. Сережа же поставил ногу на лавку, медленно сворачивая оставшийся высокий носок. Его член висел совсем спокойно. Равнодушно.

Она все еще не понимала, как до этого дошло, но, очевидно, как-то да дошло.

– М-м-мне подождать вас здесь, да? Я могу поохранять ваше полотенце. Мало ли. И потом принести его вам, да? Это...

Даша не знала, что надо говорить, так что как получалось, так получалось.

Она усиленно продолжала смотреть под ноги, на белый кафель. Швы между плитками были белыми-белыми, без следа черной плесени.

Стерильно-белоснежная душевая комната. Точнее, пока всего лишь преддверие душевой.

Словно бы она попала в рай наяву.

Словно бы – в СПА.

Сережа потер босой ногой ногу, почесал бороду:

– Нет, ты идешь со мной. Туда.

–А.

– Лучше разденься.

– Почему?

Раздвоенный ноготь смотрелся уродливо. Но мило. Наверное, на него уронили что-то тяжелое. Если уронили – то изначально подняли, стало быть – силы Сергей Гавриилыч был недюжинной... Но странно было думать об этом здесь.

«В его наготе так много доверия, значит...» – не закончила мысль Даша. И стала радостно слушать учащенное биение своего пульса.

Она рывком подняла голову: взглядом – мимо живота и лобка, сразу – глаза в глаза. Сережа пожал плечами:

– Влажность.

– А.

– Да и тебе тоже лучше помыться. Пусть на тебе и были СИЗ, но осторожность, как водится, лишней не бывает.

– А.

И Даша попыталась рывком же снять с себя халат, кофту, футболку и лифчик, но застряла в них. Вернула. И стала снимать по очереди, одно за другим, толкая пуговицы из тугих петель. Обнажила руки, завязала волосы повыше, начала вытягивать ремень из пряжки...

– Зачем вы смотрите на меня?

– Не смотреть?

– Это не ответ на вопрос «зачем», – прошептала Даша.

Но Сергей Гаврилыч услышал. Замолк на минуту. Продолжил:

– Да.

– Что да?... – переспросила Даша, стягивая через голову футболку. Футболка зацепилась за пучок, потянула за собой волосы. Жаль.

– Правда, что то не ответ, – пояснил Сергей Гаврилыч. – Ответ: мне просто нравится на тебя смотреть.

– Вы любите меня?

– Мне нравится смотреть на тебя, – спокойно повторил он.

– А. А почему тогда не встал? – Даша покраснела, опусти-

ла голову.

Стыдно-стыдно-сты-ы...

– Ты ведь не моя женщина. Это был бы бесполезный и довольно болезненный расход крови, – резонно и с некоторой грустью заметил Сергей Гаврилыч.

«Какой у него сильный дух, какая сила воли!» – подумала Даша. Но сказала другое:

– Отвернитесь, пожалуйста.

И расстегнула лифчик, сняла джинсы, трусы... Носки оставила: у нее были сменные. Сергей Гаврилыч этого не видел: к сожалению, отвернулся.

– Я все.

– Пошли. Номер скорой помнишь?

– Помню.

– А Светы, ну, которая с ресепшена?..

– Записан.

Он кивнул и первым пошел к душевым, перекатывая тяжести мышц под кожей. Даша подумала, что у Сергея Гаврилыча невероятно красивая, пушистая попа.

И что то, что красивая, было и так понятно, даже в одежде.

Но то, что пушистая – знает только она.

Даша улыбнулась сама себе и пошла вслед за ним, ее полная грудь качалась от шагов. Жаль, что номер скорой она знает, но он не записан. – потому как ей хотелось все забыть.

Абсолютно и тотально все.

И бегать в степи, не зная языка,

Не зная людей и правил. Вместе с Сережей...

Душевая была на рассчитана десять людей: пять мест справа и пять – слева. Белый кафель, пластиково-белые перегородки, белое мыло в белых мыльницах, которое смыливается в белую пену. Сергей Гаврилыч мылся спокойно и размеренно, повернувшись лицом к стене. Он массирующими движениями взбивал пену, растирал ее по своей коже...

«И до чего все-таки похож на Пельменного Человека!» – подумала Даша. И вдруг заметила, что его лицо, руки и шея темнее, чем все остальное.

Ультрафиолет.

Она пристыженно опустила голову, выдавила порцию мыла и включила душ... Вода была ледяной. А по Сергею Гаврилычу и не скажешь, вот же – Даша осталась с мыльными руками и стойким ощущением, что кто-то как-то ее нагло обманул.

– Дарья.

– Да?

– Осмотри меня на предмет грибниц.

– Гри?..

– Такое ни с чем не спутаешь. Тут нет зеркал, да и лучше наощупь.

Даша кивнула, быстро включила воду, смыв с рук мыло, – зажмурилась, повторила «мне-тепло-мне-тепло» десять раз, – и осторожно подошла к нему. Провела руками по спине – она была гладкой и, что даже странно, теплой. За-

тем ощупала ногу, каждую, от ступней (Сергею Гавриилычу явно было щекотно, но он держался, как мог) до ягодиц, после – сами ягодицы, мягко-твердые, сильные руки... Плечи мерно опускались, поднимались, в такт дыханию. Это было невероятно спокойно. Это было невероятно хорошо...

И Даша подалась вперед, прижавшись к его теплому телу, раздавив упругую грудь о спину. Кожа Сергея Гавриилыча пахла так же, как и его куртка.

– Что-то не так?

– Нет, все хорошо... Извините, Сергей Гавриилыч. Сейчас, я почти закончила.

Она с грустью отошла от него на пол шага – и провела ладонью дальше, от лопаток к шее. Влево. И вдруг, за ухом ее пальцы встретили продолговатый бугор. Мицелий.

– Се-сережа... я, то есть, мне кажется... мне кажется, я нашла грибницу. Что мне делать, что делать? – к ее голосу примешивалась паника. Эту панику надо было убрать, надо было изжить, но Даша не могла и представить – как...

Он пожал плечами:

– Просто вытяни ее.

Даша замерла.

– Э?

– Не бойся, она еще совсем молодая, никаких спор... Ты не заразишься. Хотя руки, конечно, потом стоит помыть. Так, Дарья, слышишь меня?

Она кивнула: «я слышу».

Сергей Гавриилыч, конечно, кивка не видел, но знал, что таковой был:

– Тогда положи руку на гифу, всковырни пальцами и тяни на себя. Только осторожно. Ясно?

– А м-может лучше скорая, а? Или Света?..

– Я в сознании. Нет необходимости.

Даша обреченно кивнула. Нашла пальцами, вжала ногти, будто выдавливая прыщ – гифа пошла наверх, разорвала кожу...

Даша вытащила белую, длинную нить. Бросила на пол, раздавила, остатки утекли в сток. А оставшаяся в коже Сергея Гавриилыча пустота заполнилась кровью.

– Вам больно?

Он вздохнул глубоко и устало – ему предстояло объяснять очевидное:

– Гриб вообще умер, так как мой легкий дискомфорт можно назвать болью?

Даша немедленно приложила ладонь к виску, выпрямилась – ее груди подпрыгнули и замерли:

– Нет, сэр! Так точно, сэр! Очень жаль гриб, сэр!

– Ну-ну.

Сергей Гавриилыч одобрительно похлопал ее по плечу и пошел к полкам с чистыми полотенцами. Растер спину, руки, потряс головой, разбрызгивая воду...

– Значит, не пельменями... – едва разборчиво сказал он.

Но Даша разобрала.

– Что, простите?..

– Я ничего не говорил.

И он взъерошил волосы полотенцем, суша их. Причесал бороду пальцами, провел мизинцем по раковине уха...

«До чего же похож на Пельменного Человека,» – отвлеченно подумала Даша.

– Что теперь делать, Сергей Гавриилыч? – наконец осмелившись, подала она голос.

Он накинул полотенце на бедра, отогнул край, повернул голову к ней:

– Как что? Работать, конечно же. Растворы сами себя не замешают.

Прошла секунда.

Две.

Три.

– А, это, а как же?..

– Да, конечно, и то верно, и как я мог забыть, – спохватившись, сказал Сергей Гавриилыч, – сейчас обеденный перерыв. Но после попрошу не отлынивать, Дарья. В тебя ведь даже грибница не проросла.

Это было резонное замечание. Даша кивнула и тоже взяла полотенце.

– Поняла, Сергей Гавриилыч.

Он лучезарно улыбнулся ей:

– Вы подающий надежды сотрудник, Дарья.

И это замечание было резонным.

Глава 3

Даша очень устала в тот день. И сны ей снились беспокойные. В них были трупы, обшитые целлофаном, облитые дезраствором ящики трупов, а трупы были мягкие и хрупкие, ломались в руках с грибным хрустом, из надломов вылетала пыль черных спор. Даша и Сергей Гавриилыч тащили их в лес, закапывали, сбрасывали в канализацию, сжигали... Вместе.

И все было так абсурдно и важно, так жутко – и странно, что ей было так легко. Легко от того, что она никак не может из этого выбраться. Легко от того, что никак не может ни на что повлиять...

Это же сон.

Утром Даша выпила граненый стакан чайного гриба, включила телефон и набрала абонента «Мама».

Даша давно не говорила с ней. И зря, конечно, совсем зря.

Длинный гудок – первый. Второй. Третий...

По правилам делового этикета, невежливо звонить дольше пяти гудков. Но именно на пятом мама взяла трубку.

– Алло-о, – сонно протянула Даша.

Переключила на громкую связь. Поставила чайник: щелкнула и зажглась синим пламенем.

Достала из холодильника вареные яйца: их Даша варила впрок. Во-первых, экономия, во-вторых...

– Привет, дочь, – с помехами отозвался телефон. Так привычно, так по-родному. – А то все не звонишь и не звонишь. Думали, уж и не хочешь с нами разгова-аривать...

Мама журила по-доброму. Это же мама.

– Ну, знаешь, то то, то се... Я ведь не отдыхаю здесь. Я здесь вроде как работаю.

– Вроде как?

– Эй, ну не придирайся к словам, – ответила Даша, растянула рот в виноватой улыбке.

Это же мама.

– Да я ведь не в укор, – и мамина улыбка считывалась Дашей даже на этом конце трубки. От этого было тепло. И совсем немного тоскливо. – Соскучилась по дому поди?

– Ну, та-ак... немножко. Но я ведь совсем недавно уехала из дому, в конце концов... Еще учебный год, может, приеду только зимой, а может, только следующим летом.

«...если не разлажусь на всякое живое и сладкое,» – додумала Даша. Но говорить, конечно, не стала. Продолжила другое:

– А тут особо и нет времени скучать. Сегодня хоть встала пораньше, а еще немножко и пойду в лабу, покопаюсь там с... со всяким, в общем, потом... потом вечер.

Фразу Даша закончила совсем тихо. Почти неслышно из-за гула вскипающего чайника. Конечно, он вскипал: мутнел блестяще-металлический корпус, у носика собирался пар...

Даша хорошо знала свой чайник. Почти так, как знала

свою мать.

– Но тебе как, нравится там работать? Не хочешь перейти куда-нибудь в другое место? Может, даже не по специальности, а что-то... более расслабленное. Знаешь, ты же говорила, что диссертацию в твоей лаборатории, – «твоей» звучало приятно, хотя не было правдой. Даша улыбнулась. Продолжила слушать. – ...ты вряд ли сможешь написать, так? Я же ничего не путаю?

Она не путала. Сама знала, что не путала, Даша знала, что не путала – и они даже обе знали, что Даша тогда сказала не «вряд ли смогу», а «хрен мне дадут ее написать», но...

Иногда в их общении была уместна легкая лирическая недосказанность.

– ...так почему бы не найти более, ну, перспективное место?

– Ну мам.

Чайник затих и через пару секунд тонко засвистел: Даша выключила комфорку. Кинула в кружку пакетик чая и залила его крутым кипятком.

Ручка чайника была горячей, но не до ожога. Она надеялась, что не до ожога...

– Но тебе разве не хочется лучшего? Да и, знаешь... это точно не что-то опасное? Ты как-то говорила про то, что работаешь в респираторе и... обмундировании, в общем. Это все не спроста, а? Может, не стоит оно того?

Даша кинула в чай сахар, разбила яйцо о стол: это полу-

чилося очень громко.

«В следующий раз лучше ложкой,» – подумала Даша.

За окном начал капать, червями стекать по стеклу дождь.

– Даша, мне что-то не спокойно. Еще и сон какой-то снился...

– Какой?

– Не помню уже. Беспокойный. И, кажется, про тебя. У меня такое чувство, что про тебя, понимаешь, Даш?

– Понимаю.

– Это ведь не что-то не?..

– Нет-нет, мам, точно. Все в рамках этого, как его... в рамках, в общем, – закончила Даша. – Сегодня же не пятница, значит, сон был все равно не вещий!

И зачерпнула белую, жидкую у желтка мякоть яйца. Несоленую – это зря...

– Смешная ты, Даш.

– А что?

– Пятница же.

Ложка замерла в руке Даши, и она поняла: и впрямь пятница.

С четверга на пятницу – вещие сны,

Правдивые сны

О трупах и грибах.

– Ой, да глупости все это, – отмахнулась Даша, посыпала яйцо крупной солью, зачерпнула ложкой.

Желток был совсем ледяным.

– Ну, это да, конечно, – без особой уверенности протянула мама. – Ты, как деятель науки, в суеверия не веришь?

– Ой, ну ма-ам, какой я «деятель науки»... бездеятель. И, пожалуй, даже верю. И все равно мне кажется, что переживать не о чем.

Даша раскрыла клипсу на пакете с хлебом, взяла кусок: белого, сладкого.

– Ну, не о чем так не о чем, – согласился голос в трубке. Зашуршал ветер: мама куда-то шла. – Слушай, Дашь...

– Что такое?

– Я знаю, что ты у меня умная девочка. И взрослая. Но все равно пообещай мне, что не будешь вмешиваться ни во что опасное, ладно?

Даша отхлебнула чай: прекрасный вкус. Прекрасный сахар. Главное, что сладкий.

Вдруг, спохватившись, вытащила ложечку из кружки: отсутствие женихов и, в перспективе, замужества, Даше виделось крайне нежелательным.

Даша все пыталась вспомнить, когда же, так давно, она не вытащила ложечку?..

Не вспоминала. И надежда продолжала питаться слабой на события памятью.

– Ну, это уже какая-то паранойя, я считаю, – заметила Даша, поставила руку под щеку. – В какое опасное? Я работаю с самыми мирными существами на планете! Вот зайдешь – слева стенды со слабыми растворчиками солей и кислот,

порошки и суспензии белков... Благодать, мама. Наденешь перчатки, помешаешь всякие жижи, загрузишь в центрифугу... Знаешь, а ведь центрифуга самая опасная в моей жизни вещь. Страшно жужжит, просто ужжжас...

Ветер в трубке стих: значит, мама куда-то пришла.

А Даша закатила глаза и схватилась за сердце, но все же продолжила:

– В общем, кошмар. Но после – грибы... Знаешь, а мне нравится работать на грибницах даже больше, чем в таких, около-химических задачах.

– Потому что?..

– Ну... Мальчик, который тоже стажер, в противогазе не такой болтливый. Знаешь, мам...

Даша затихла, не зная, что сказать.

Она всегда говорила, что было нового, что было вчера.

Но что-то не хотелось – ни верить, ни говорить о том, что было...

Нет, впрочем: верить все-таки хотелось.

– Что такое, дочь?

– Ну, это... а нового ничего. Все как обычно, в общем.

Ни-че-го...

– Понятно, – сказала мама.

Повисло молчание. Даша еще отпила чая, взялась за второе яйцо: в этот раз разбила чайной ложкой. Тихо-тихо.

– Ну, это... мне скоро уже уйти. Пока, наверное? Я тебе завтра утром позвоню, ну или, это, напишу, ладно?

– Хорошо. Приятного аппетита, Даш.

– И тебе.

И тыкнула на кнопку завершения вызова. До выхода оставалось около сорока минут.

Даша вспомнила о пельменях – о том, что они в морозилке – о том, что один или два из них могли бы быть сварены, могли бы остыть...

Затрясла головой, отгоняя всякое, потянула на себя дверцу: в холодильнике стояла пустая бутылка от пива. Того. Инновационного.

– Кто же мне его дал? Кто же?..

Почему-то она никак не могла этого вспомнить. Никак. За окном серое небо все также опадало дождем.

Медленно подступала осень.

Глава 4

Паша очень старался. Он высунув язык крутил кнопку на дозаторе, открывал пальцем левой ноги эппендорфы, плевал в образцы, не жалея слюны, – знал, какой у него во рту чудесный рН, – обогащал слюну кровью...

И все же Пашу не покидало ощущение, что он что-то делает не так.

– Па-ашечка, – Даша положила ладони на его руки, не в силах на это смотреть, – Давай ты помоешь пробирки, Па-шечка? Поверь, это важно, очень и крайне важно, да-да-да... Ну, пойдём, начнём вместе уже...

Паша медленно покачал головой:

– Нет, я и так виноват. Оставил тебя вчера... Заставлять товарища работать сверхурочно из-за собственной слабости, глупости, недостойности... это ужасно. Знаешь, вчера было какое-то, ну... странное помутнение, – он замер, обернулся на свою напарницу. Взгляд его болотно-зеленых глаз стал пронзительным. Острым.

«Гриб придал глубины его примитивной натуре,» – немедленно поняла Даша.

– Ну, да... Но так уж обязательно так.. Перегружаться?

– Само собой! – решительно ответил он, попытался сбросить со своих рук Дашины, но это было непросто: кружок армрестлинга оставил на Даше некоторый след.

– Ну-ну, успокойся... Паша, а ты... ты помнишь, что было вчера? – аккуратно, как можно более тактично поинтересовалась Даша.

– Ну конечно, – невозмутимо ответил Паша. Наконец, справился с ее дружеским захватом и вернулся к порче лабораторного оборудования. – У тебя, это, заболел живот. Так?

Даша кивнула. Пристыженно. Выходит, лживо.

Паша снова схватился за дозатор.

– Тогда я, того, позвал тебя, ты не ответила, я позвал тебя без респиратора...

– Ага...

– Потерял сознание и очнулся уже дома.

– Разве не в?.. – Даша остановилась, не зная что сказать. В больнице? В боксе для переодевания? На лестничной площадке? На руках у Сергея Гавриилыча?..

Каждый последующий вариант был хуже предыдущего.

Даше его было жаль. Бесконечно жаль, но все-таки...

– Разве не где? – Паша нахмурился. В складке между бровей отчетливо выступали гифы. И, кажется, черные точки на них: начали образовываться споры.

– Да нигде, Паша, – Даша улыбнулась, ласково провела по его локтю. Локоть был липким и пах медом. – А давай все-таки посуду помоем? Сергей Гавриилыч сказал, что почти кончилась посуда. Сам сказал! Сам!

Паша глубокомысленно кивнул. Повесил дозатор, не сняв «носик», взял в руку пробирку с чем-то, вылил что-то, спо-

лоснул...

– Странно, что пробирок не хватает. Я ведь только что помыл как минимум двадцать, – Паша обреченно вздохнул, взял следующую.

Всего грязных пробирок было пять. Даша решительно сняла с сушки чистые, поставила штатив возле раковины – Паша следил за ней. Сказала:

– Эти тоже грязные.

– Вся наша деятельность не более избыточна и бесполезна, чем само наше существование. Гниение. Свечение, – закончил мысль Паша и взял ёршик.

Даша же стянула перчатки из черного латекса, быстро набрала сообщение, не думая о словах и том, как они звучат: «Паша не держится совсем. Помогите, ну как-нибудь! Сергей Гавриилыч, я не знаю, что мне делать.»

Тут же высветился ответ: «Хорошо, Даша».

«Он написал не ок?..» – растерянно подумала Даша. Странно. Но были вещи и страннее.

Когда Сергей Гавриилыч загородил своим мощным торсом дверной проем, Паша в тринадцатый раз перемывал одни и те же десять пробирок, не жалея соды, воды и сил. Три из десяти были в трещинах от недюжинных толчков ёршика, но пока держались. Пока.

– Здравствуйте, Сергей Гавриилыч, – прошептала Даша, задрав к нему подборок.

Он пошевелил ладонью у виска: «не слышно».

Ладони у него были натруженные,

Мозолистые ладони.

Даже странно.

Даша поднялась на цыпочки, он чуть нагнулся, совмещая свое ухо с ее губами:

– Сергей Гавриилыч!.. Что делать-то будем? Он совсем, ну... как гриб.

Каждое слово оседало на его щеке влажным паром. Схватившись, Даша протерла щеку Сергея Гавриилыча полрой халата. Тот тяжело вздохнул:

– Что ж с ним делать, говоришь? Что ж... видать, надолго его не хватило. И впрямь, совсем почти гриб уж.

Сергей Гавриилыч говорил чуть понизив голос, но не шептал.

– То есть?..

– Ну, – басисто протянул Сергей Гавриилыч, распрямляясь во весь своей внушительный рост. – Павел, как вы себя чувствуете?

Паша замер. Пробирка со стуком выпала из его рук и все-таки разбилась. Он медленно, тягуче повернул голову – его рыжее в веснушках лицо озарила улыбка, счастье:

– Прекрасно, Сергей Гавриилыч! Никогда я еще не чувствовал такой легкости во всем мне, такого подъема душевных и физических сил. Не знаю, с чем это связано, но я готов ходить по воздуху, я готов летать, ползать, пронзять собой плоть Земли!

Паша раскинул руки, вскочил на раковину – раковина погнулась, металл порвался вдоль – Паша свалился. И тут же вскочил, точно повторяя заключительную партию королевы лебедей из балета Чайковского...

Как мог повторял.

Отдаленно – вполне похоже.

Если только закрыть глаза на ряд нюансов...

Даша зажала рот руками и отвернулась. Нет, повернулась снова: все же это было интересно.

– Ага, – печально кивнул Сергей Гавриилыч. – Хорошо...

А что ты думаешь о цели науки?

– Грибы, – незамедлительно ответил Паша. – Только грибы.

– Цель стажировки?..

– Грибы!

– Может, зарплата?

– Отнюдь, – вдруг как-то устало вздохнул Паша, пожал плечами. И проникновенно взгляделся прямо в Дашины глаза, – Я был полон иллюзий, но прозрел и... Стекло предполагает стекляность, а пиво – пивность. А живо – живность, а лак – лаковость... Лак-лак...

Паша опустил на четвереньки и начал увлеченно лакать осколки стекла с пола. Сергей Гавриилыч улыбнулся, лицо его потеплело, и он покачал головой:

– Ай да стажер, ай да сукин... В общем, случай клинический. Потрясающе!

– Почему же потрясающе?.. – тихим голосом поинтересовалась Даша.

Пашу она начинала побаиваться. Кажется, на то было достаточно причин – она медленно отступила на пару шагов назад, встала чуть за широкой спиной Сергея Гавриилыча. Здесь было спокойно. Во всяком случае, более спокойно, чем...

– Никогда не видел столь стремительного перехода от нашего с вами.... В общем, привычного нам поведения к гибридизации.

– Может, гибридизации? – осторожно уточнила Даша, выглядывая из-за руки завлаба.

Паша теперь лакал не просто стекло, а стекло, смешанное с кровью. Впрочем, это не было неожиданностью.

– В каком-то смысле. Но, мне видится, гибридизация термин более точный. Как бы то ни было... надо предотвратить распространение спор.

– Вместе с предотвращением распространения Паши? – догадалась Даша.

Сергей Гавриилыч улыбнулся еще шире, обернулся и потрепал ее по голове:

– Во всех смыслах. Даже удивительно, что ты так все понимаешь... стажер. Культу нравятся такие люди. И мне нравятся.

Она благодарно кивнула. В груди стало тепло, радостно, будто бы...

«Нет, это не любовь, совсем не любовь! Просто я очень хороший работник,» – сказала себе Даша. И повторила еще пару раз.

Она сглотнула слюну, собрала мужество в кулак и вышла из-за спины Сергея Гавриилыча. Пришло время действовать!..

Вдруг Даша истово захотела вспомнить, что же было после «да будет воля твоя»: она постоянно забывала. А зря.

– Может, лучше вы?..

– Испугается, – с сожалением заметил Сергей Гавриилыч. – Грибы боятся доминации. Агрессия, суета, гиперактивность.... Хотя могу и я, конечно. В конце концов, не первый раз...

Сергей... нет, Сережа размял плечи, поиграл мускулами под лабораторным халатом. Даша отрицательно покачала головой. И начала:

– Пашечка, – начала она, пытаясь доверительно заглянуть ему в глаза.

Но Паша смотрел в пол.

«Эх, Паша, Паша... надеюсь, тебя ждет лучшая жизнь. Жизнь без боли, необходимости много думать и переживать за меня... Тебе стоило прожить побольше и побеззаботнее. Кто знает, может, ты и наверстаешь упущенное уже в виде гриба,» – подумала она сочувственно. И повторила:

– Паша.

Он поднял взгляд. Абсолютно довольный взгляд, надо

сказать.

– М?..

– Сергей Гавриилыч, – Даша пальцем показала на Сергея Гавриилыча, стоявшего чуть поодаль, – сказал, что уже пора?..

– Спать, – подсказал тот.

– Да, точно! Паша, пора спать вот в... э-э...

Даша просяще обернулась на Сергея Гавриилыча, моля о помощи и поддержке. Он раскрыл ладонь, – «один момент», – выдвинул один из ящичков, достал оттуда плотно сложенную армейскую сумку, расправил, отошел на два шага назад, не смотря гриба-стажеру в глаза...

Паша ждал. Последний раз пережевал стекло, плюнул.

Вот что бывает, когда действуешь без ТЗ.

Но отступить было некуда.

Наверное.

– Вот в этой сумке, конечно же, – радостно произнесла Даша, всплеснула руками. – Ну, давай, Паша, укладывайся поудобнее...

Он кивнул, забрался, странно, не по-человечески, но и не по-звериному перебирая конечностями, и лег. Только рыжая челка беспокойно торчала из сумки, радостно блестели глаза...

Сергей Гавриилыч поправил воротник халата и осторожно подошел, подняв брови, и одним движением застегнул сумку. Сергей Гавриилыч всегда поднимал брови, когда на

чем-то сосредотачивался. Гриб внутри дернулся, но ничего не разорвал.

Крепкая сумка. Хорошая. И друг Даша поняла, что сумка используется так не в первый и, может, не во второй раз...

Даже не то что поняла. Скорее почувствовала. И вдруг на нее накатило страх. Ужас, дрожь, тотальное неверие, что Паша – такой, что Паша – теперь там, хотя она его и жалела, по нему и не тосковала...

Сергей Гавриилыч подошел со спины и уверенно и крепко обнял ее.

– Сережа... – выдохнула Даша, прижалась щекой к его широкой руке.

Хотя бы к чему-то. Чему-то живому, чему-то теплomu, чему-то человеческому.

– Ну-ну, Дарья, – сказал он.

«Какой у него приятный голос,» – подумала Даша.

Раньше она не думала, какой у него голос. Как-то незачем было. А сейчас...

– Ты хочешь уйти, Дарья? Я пойму, если так. Здесь работать... довольно опасно. Не то чтобы мы не говорили этого нашим стажерам, но...

Даша потрясла головой. Снова прижала щеку:

– Да нет, не хочу я никуда... Паша все равно был дурак, может, ему так даже лучше. Он ведь не умер?

– Ну, в каком-то смысле... Думаю, это сложный философский вопрос. Смотря что считать этим, как его...

– Пашей?

– Да, им самым. Думаю, как грибы они даже... приятнее.

И во всяком случае более бессмертны.

– О как...

Даша подумала, что Паша, оказывается, не такой уж и дурак. Пусть он не-дурак и не вполне осознанно, не по своей воле не-дурак – вот так парадокс...

Сергей Гавриилыч разжал объятия. Потянулся, разминая руки, легким движением перекинул сумку с Пашей через плечо, тот в ответ недовольно замычал, но, впрочем, не слишком настойчиво.

– Ну что ж, стажер, пойдем в теплицу. Надо бы вернуть гриб туда, откуда этот идиот его вчера взял... Удобрим, опять же, – договорил он и безмятежно улыбнулся.

Даше начинала нравиться эта улыбка. Не такая уж и демоническая, в конце концов...

– Так точно! – Даша резво отдала честь и пошла, едва успевая за размашистыми шагами Сергея Гавриилыча.

Распределение длины ног явно было не в Дашину пользу.

Глава 5

Никогда до этого Даша не надевала СИЗ с таким усердием, не подгоняла так плотно одно к одному и не расходовала там много одноразовых перчаток: все они сидели неровно. Все они могли сидеть лучше.

А Сергей Гавриилыч рядом с ней одевался совершенно спокойно. В каждом его движении и взгляде на беспокойно копошившуюся сумку сквозила какая-то странная тотальная обыденность.

– А вы с кем обычно занимаетесь тру... то есть, грибо-стажерами? – спросила Даша, поправляя бахилы.

– Трусами, Дарья, трусами. Давай говорить прямо, хотя бы друг с другом, – Сергей Гавриилыч улыбнулся, кажется, вполне дружелюбно. Располагающе.

...нет: это улыбнулся Сережа.

«До чего он похож на кота, когда улыбается. Бородатого кота,» – подумала Даша и тоже улыбнулась.

– И все-таки?

– И все-таки обычно я ими занимаюсь один, – беззаботно ответил Сережа, не переставая улыбаться. – Обычно стажёры не становятся грибами поодиночке. Так что обычно у меня в два раза больше работы с этим связанной...

– И они каждый раз так громят лабу? Да ну? – ее глаза округлились.

Сергея помотал головой, смотря куда-то вниз, на руки:

– Не-е... обычно они возвращаются в землю раньше. Сказал же, не ожидал, что он окажется такой... эм, благодатной средой.

Он засмеялся. Смех его был громким, раскатистым, заразительным...

Заразительный.

Зараза.

Паша?..

– А.. Аха-ха... этот, Паша еще не заразный? – проглатывая смех, спросила Даша.

– Был незаразным: было вполне очевидно даже фенотипически, что споры находились в такой, терминальной стадии, а вот сейчас...

Без лишних уточнений Даша молниеносно натянула противогаз. И добавила колпачок сверху. Сергей Гавриилыч – все то же самое, но более молниеносно. Он взял в одну руку сумку, кивнул Даше: «ну, с Богом», и они вышли в «заразную зону».

«Как все-таки быстро сбился сон...» – подумала Даша. Это было даже немного скучно.

Когда Сергей Гавриилыч взял скальпель и начал расчленять Пашу, аккуратно срезая кожу, стараясь не повредить гифы, тот сначала немного морщился, постанывал, но скоро совсем успокоился. На его лице было безразличие.

Даша указала на тело, на ближайшую грядку грибницы:

«вот он и стал совсем гриб».

Сережа простер руки к небу: «стал высшим существом». В одной из рук он все так же сжимал скальпель... – как ни странно, они понимали друг друга с полуслова. Или даже с полужеста.

Когда одна из ног разделилась на кость, мышцы и фасции, Паша немного удивился, подвигал обрубком ноги – и все-го-то.

Даша поставила пальцы в перчатках к углам Пашиного рта, растянула его в улыбку, отвела руку в сторону, ладонью вверх: «почему радостен»?

Сережа срезал ткань и кожу на другой ноге, провел скальпелем вдоль портняжной мышцы. Паша не дрогнул: «нет нервов, все забрал гриб».

Даша кивнула, и принялась раскладывать куски Паши по пластиковым контейнерам, рассматривая, где больше гиф, где меньше... Работа шла быстро и легко. Послышался хруст: Сережа вскрыл его череп. Мозг еще оставался розовым от крови, от жизни, и все-таки он был вдоль и поперек увит серо-белым, с черными крапинками, мицелием. Когда скальпель коснулся его, вспорхнуло облачко спор.

Даша отвернулась, чтобы не видеть этого, ее все-таки трясло.

«Это все с непривычки,» – повторяла она себе, – «это все с непривычки».

Тяжелая рука легла на ее плечо, подбадривая. Крови по-

что не было: ее выпил гриб.

Ведь грибы очень любят влажность,

Ведь грибы без влаги не могут.

Сергея поднял руку, указал на Дашу, на грядки грибниц, опустил кисть, перебирая пальцами: «полей пока, ок?»

Даша кивнула: «ок».

К концу рабочего дня стажер Павел окончательно перестал быть стажером Павлом. В любом виде. А почва теплицы обогатилась микроэлементами, белками, жирами... гифами.

Глава 6

Никогда Даша не мыла элементы СИЗ с таким усердием. Наконец, когда она сняла респиратор, подставив вспотевшее лицо теплomu сухому обдуву, она спросила:

– А так точно правильно делать?..

– Новой форме твоего Паши гораздо приятнее в земле, чем вне ее, – резонно заметил Сергей Гавриилыч, задумчиво разглаживая пальцами бороду. – Да и все равно с точки зрения его как человека, случай был безнадежным. Мицелий не извлечь из мозга, даже в самой зачаточной форме. Так что – только предупредительные меры, только...

Он выдохнул в три подхода и, уперев ладони в колени, тяжело опустился на простую пластиковую лавку. Других тут и не было.

– А вам его совсем не жалко?

– Мне всегда всех жалко. Но чувствуется это только первый десяток раз, а потом, ну... осознается. Таков путь, – закончил он.

– А как же, это, «пропал человек»...

– Это уже вопрос культа. Не вполне мой. И точно не твой.

Взгляд его был устремлен куда-то в одну точку, мимо Даши, невзирая на Дашу. И вдруг ей подумалось, как ему, должно быть, одиноко.

Совсем как ей.

«Банально,» – с тоской подумала Даша. И все же села рядом, привалилась потным даже через рукав халата плечом к его, такому же потному плечу. Даша совсем не помнила, что он – завлаб, что он – ее, вроде как, босс, что он – бесподобный Сергей Гавриилыч... Сейчас он был скорее Сережей. Как будто бы хорошо знакомым ей. Как будто бы родным.

– Знаешь, – начала она.

– Что знаю, Дарья?

– Называйте меня Даша. И, это... я всегда буду помогать вам, хорошо? То есть... – Даша смутилась, зажмурилась, стараясь не видеть ничего, слышать только мерный гул обдува и, может, его дыхание. Но плотнее прижалась к его руке, продолжила, тараторя, – я хочу сказать, что я совсем не склонна недооценивать важность средств индивидуальной защиты, что я осознаю, как опасна и все-таки важна работа здесь, как...

– Подожди, – прервал ее Сережа.

Голос завлаба вибрацией резонировал под его кожей. Совсем чуть-чуть: но Даша это почувствовала.

– Что подожди?..

– Ты ведь толком и не знаешь, чем занимается эта лаборатория. С чего же ты взяла, что это что-то такое уж важное, а стажер? Может... может, это какая-то ерунда? Мало ли людей занимаются ерундой, даже пишут статьи о ерунде, публикуют статьи о ерунде... Почему?

Его обычно громкий голос был тих и хрипл. Он повернул

голову, посмотрел на нее: из его темных, почти черных глаз смотрела тоска.

Даша улыбнулась, покачала головой:

– Нет. Так не может быть, никогда.

– Почему?

– Потому что ты не можешь заниматься ерундой. Я просто это знаю, это совсем не про вас, Сергей...

– Сережа.

– Точно, – Даша отвернулась от него, потупила взгляд. – Потому что ты не можешь заниматься «ерундой», Сережа. Я знаю это. Просто знаю и все.

Они какое-то время сидели в тишине. Воздух здесь был совсем сухой.

– Кстати, это... прости. Мне неловко называть вас... то есть, тебя Сережей. Как-то это к тебе не подходит, что ли?

– И все же Сережа – это я, Даша, – и он поднял брови, растянул рот в улыбке.

Совсем как демон.

Совсем как кот.

Когда они, наконец, выходили в «чистую зону», Сережа сказал ей:

– Ты, наверное, хочешь есть?

– Ну-у...

Даша забыла, на основании чего конкретно она должна отвечать на этот вопрос. На основании, собственно, голода? Все более странных отношений с Сергеем Гаврилычем? Со-

чувствия к Пашиному переходу в новую форму жизни?..

И все-таки прежде всего: она устала. Ужасно устала. И сейчас ее ждала только пустая квартира с гибискусом в пустой банке. Раньше в ней была вода, но она испарилась, еще раньше – сам гибискус засох, первый стал пустым.

Пожалуй, ей было одиноко.

Наконец, в приоритеты она выбрала голод:

– Хочу, – уверенно сказала Даша.

– Тогда пойдем поедим, как закончим.

Даша, не веря, кивнула. Втянула воздух ноздрями: раздувала радость и смутное, может, обманчивое и все-таки предчувствие нормальности. Предчувствие счастья.

– А куда?.. О, знаете... э-э, знаешь... тут недалеко есть неплохой итальянский ресторан, недорогой, так что...

Сергей Гавриилыч дернул головой сначала вправо, потом влево:

– Ответ неверный, стажер. Мы идем пить пиво!

Даша снова кивнула, чуть не пошла вприпрыжку: это предложение нравилось ей даже больше. Но сдержалась.

– Ах, пиво-пиво... – только и сказала она.

Они разошлись: он – в свою, недоступную ей часть лаборатории, она – отмывать от крови и стекла доступную ей часть, но после...

После они обязательно встретятся. У светофора, ровно в семь пятнадцать.

И так оно и случилось.

Глава 7

Но пока Даша собирала шваброй запекшуюся бурую кровь, снимала посеревшую, пахшую затхлостью тряпку, мыла ее в оцинкованном ведре и не могла поверить, что эта кровь, эти пятна, эта грязь – часть Паши. Часть того, чем Паша был, ненужная тому, чем Паша стал.

– Ч-черт!..

Даша опустилась на колени, ударила сжатыми до белого кулаками по краям ведра – вода расплескалась, растеклась мутными разводами... Где-то внутри, на дне груди Даши так же плескалась истерика.

Но она ее подавляла. Но она была сильна духом. Еще раз промыла тряпку, руками собрала растекшуюся воду...

– Почему так? – шептала она сама себе: так спокойнее. – Почему так? Почему со мной, почему здесь... А хотя?

Она замерла. Молча сполоснула тряпку, накинула ее на деревянный остов швабры. Провела по полу: плитка позади нее оставалась почти чистой. Еще немножко. Еще чуть-чуть.

Работа была чисто механической. Механическая работа всегда ее успокаивала.

– А хотя, конечно, – продолжала она, – кому он нужен, этот Паша? Его разложение было, выходит, неминуемо... как там сказал Сергей Гавриилыч? «Грибница проникла в мозг, значит»... а что значит? А значит – все: Паше билет заказан,

вот что значит! А так ходил бы он, распространял споры, заразил бы еще кого-нибудь. Ну, например, свою маму или какую-нибудь маленькую девочку в метро. А так – одна польза! И все-таки странно, так странно, что польза от него – вот так, в виде... выходит, что в виде удобрения.

Даша тяжело вздохнула. На душе стало спокойнее. Снова сняла тряпку, промыла, набросила...

– А Сергей Гавриилыч все-таки молодец. Так самоотверженно, так твердо, так решительно... ну что за мужчина, – с улыбкой на лице закончила она.

Повернула голову, посмотрела на часы: до конца рабочего дня оставалось двадцать минут.

«Как раз успею,» – подумала Даша.

ФАЗА ЛИНЕЙНОГО РОСТА

Глава 1

На улице было зябко, дул ветер, сушил глаза, но Даша его почти не чувствовала: ведь там, на углу другой улицы она видела его. Не лицо – но контур, но неуловимо-его манеру движения, походку...

– Вот и дождалась, – прошептала себе Даша. И спрятала глупую, произвольную улыбку в ворот ветровки.

Рядом с ней все собирались люди: это был долгий световой фор.

Сергей Гавриилыч немного опоздал, но, конечно, это было совсем неважно. В куртке из плотной, цвета хаки ткани и минимум о шести карманов, он казался совсем другим. Не Сергеем Гавриилычем даже – действительно и бесповоротно Сережей. Даша вдруг поняла, что никогда не видела его вот так, вне лаборатории, без халата.

Так странно было видеть его там, где кончалась работа.

Так странно, слишком человечно...

Тепло.

– Привет, – Сережа остановился рядом с ней.

На той стороне дороги загорелся пиксельно-зеленый человек, начался механически часовой отсчет. Толпа сдви-

нулась, вокруг них, никто – между. Очень уж близко они стояли. Наконец, когда на таймере там, через четыре полосы осталось десять секунд: «Заканчивайте переход, заканчивайте переход»...

Поток кончился: снова загорелся красный.

– Здравствуйте, – сказала Даша. Шагнула на шаг от него: так не надо было задирать голову.

«Какой он... Сережа,» – рассеянно подумала она. Большой, статный, основательный, даже на вид сильный, ужасно смурной – крайне Сережа.

Он кивнул головой, – «пойдем уже», – и пошел прочь от светофора, вдоль проспекта. Даша пошла за ним, стараясь не терять из виду, стараясь не смотреть слишком уж пристально: под ногами мелькала и мелькала брусчатка. Камни в ней лежали неровно, полустерлись, полускололись...

– Даша, ты куда?

Даша. Так непривычно ей было слышать от него это «Даша» – и все-таки приятно. От этого «Даша» кровь прилила к щекам, мир вокруг стал подробнее, заторможеннее.

– А?

Сережа стоял у подземного перехода чуть позади нее: и впрямь прошла, не заметила.

– Ой, простите пожалуйста, бога ради! Я совсем не нарочно, честно-честно...

Вернулась, снова – рядом с ним. Сережа согнул руку в локте, поднял брови: «пойдем под руку». Даша кивнула и

подчинилась.

– Да, знаете, так будет и впрямь надежнее... Я часто витаю в облаках, когда нужно думать. Хотя не снимать респиратор это мне не мешает, – Даша улыбнулась искренне, пусть и самодовольно: Паша сам виноват.

Дурак.

Полудурок, идиот! – не то что...

Даша сильнее сжала его руку под своей ладонью: ужасно приятно было идти вот так. И она заглядывала в глаза людям, которые шли по лестнице мимо них, справа, слева, искала в этих глазах зависть. Или гордость. Или умиление. В крайнем случае – страх по отношению к Сереже, уважение-восхищение по отношению к Даше – ведь Даша его не боялась. Даже когда он был Сергеем Гавриилычем, даже когда он задавал вопросы на собеседовании, все – теоретического, что понятно, или, что странно, идеологического характера. Тогда он не показывал вида, что ее слушает, не улыбался ей, перебивал посередине фразы, когда хотел что-то уточнить, писал что-то в блокнот крупно и неразборчиво, особенно неразборчиво, если смотреть сверху вниз, иногда – долго молчал после того, как она ответит... Даша была уверена, что не боялась его и тогда. Только смотрела на него необъяснимо восхищенно.

Лестница закончилась, и они пошли по ровному бетону подземного перехода. По сторонам были другие лестницы, но Сергей Гавриилыч даже не смотрел на них, и они продолжали идти вперед.

«— Даша, почему ты выбрала мою лабораторию для прохождения стажировки? Почему ты, Даша, не ушла после всего? — должен был спросить Сергей Гавриилыч сейчас.

И Даша бы тогда ответила:

— Потому что я люблю вас. Почему-то люблю. Сильно-сильно.»

Однако Сережа, конечно, ничего такого не спросил. Может, ему было вовсе и не интересно, почему она пришла, почему она осталась. Просто сказал:

— Я рад, что не мешает.

— Кто не мешает? — переспросила Даша.

— Я рад, что твоя манера витать в облаках не мешает тебе не снимать респиратор внутри «заразной зоны», — отчетливо и громко пояснил Сергей Гавриилыч. С обычной ему демонической улыбкой продолжил, — В противном случае наша лаборатория быстро бы потеряла довольно способного стажера. Или тогда все-таки, напротив, ни на что не способного стажера?..

Снова Сергей Гавриилыч. Снова.

«Может, он меня и не любит,» — с грустью подумала Даша. Вцепилась в его широкую, упруго-твердую от мышц руку сильнее, постаралась думать только о ходьбе.

Шаг, шаг, еще шаг...

На полтора ее шага приходится один его.

Синхронно идти не выйдет... обидно. Совсем обидно!

Он что-то сказал. Она не разобрала. С легким, бытовым

стыдом переспросила:

– Что вы сказали? Извините, Сергей Гавриилыч, я не слышала.

– Сережа. Как человека прошу, называй меня Сережа вне лаборатории, – сказал он, не смотря на Дашу. – Я сказал, что мы почти пришли. Только, слушай... это место со своей, как водится, спецификой. Тебе лучше если удивляться, то удивляться незаметно, не спрашивать ничего ни у кого кроме меня и, в общем, не выделяться. Ты меня поняла, Даша?

Она чуть не споткнулась, повиснув на его локте, но устояла:

– Может, пойдем в самое обычное место, Серге... Сережа? А то я что-то не готова, ну... к этому, принципиально новому опыту в моей жизни...

Стало страшно. Мигнула лампочка, и вдруг Даша поняла, что они все идут и идут, а переход не кончается, и что вокруг них не осталось ни души.

Жутко. Зябко. Лампочка за решеткой мигнула еще раз, продолжила лить холодный, зернисто-белый свет. Но Сережа плотнее прижал ее руку к себе: «все хорошо».

– Не беспокойся, это прекрасное место. Тихое. Спокойное. Просто немного, как водится, для узкого круга.

– Ты очень часто говоришь «как водится»!

Сережа задумчиво хмыкнул. Усмехнулся почти по-человечески:

– Что ж, это правда. И мы все-таки перешли на ты, да?

– Получается, что так... А не надо?

– Думаю, все же надо.

Даша улыбнулась, посмотрела на него в ответ, чуть задрала подбородок.

Какой же он всё-таки красивый. По-своему, конечно... И какой же он все-таки непривычный, вот так, вблизи.

Шаг, шаг, еще шаг... Они шли мимо пустых, ничейных витрин и мелких магазинов, на некоторых остались куски афиш: «горячие беляшки», «куклы из Китая», «джинсы из Америки»... Даше почему-то очень нравились эти афиши. Жаль, что они выцвели даже здесь, под землей.

Гул дороги над ними становился все тише.

– Кстати.

– Что?

– Я хочу тебе задать один странный вопрос.

Сережа пожал плечами, наклонил голову в сторону – по его черным волосам вспышкой мелькнул блик от одной из ламп:

– Ну задавай. Не стесняйся.

– Знаешь, Сережа... вот почему ты пытаешься показаться таким страшным, когда на самом деле хороший?

Повисло молчание. Только было слышно их шаги: немного неровно, конечно, не в такт. Даша опустила голову и сказала:

– Прости, наверное, глупость... Забудь.

– Не забуду, – ответил Сережа.

Он не злился. Во всяком случае его голос, его дыхание, его выражение лица, глаз – все указывало на то, что он не злился. Совсем.

– Э-эй!..

– Довольно ожидаемо, конечно, что тебе я показался страшным.

– Не показался, а пытался показаться. Это разное, – поправила его Даша.

– Почему ты думаешь, что пытался, если тебе страшно не было? – риторически спросил он. Сжал губы, почесал крыло носа большим пальцем. – Вообще же... не пытался я «показаться». Это мое, можешь считать, естественное рабочее состояние.

– Хорошее состояние! – радостно отозвалась Даша. – Оно мотивирует к работе более внимательной, более вдумчивой, более продуктивной...

Сережа коротко засмеялся, отмахнулся: «ну и лесть».

Лестью, наверное, и было. Совсем чуть-чуть.

Наконец, перед ними показалась необычно среди этого холодного бетона приветливая, из цельного дуба дверь. Над ней висел желтый, кажется, керосиновый фонарь: чуть закоптившееся стекло фонаря было в виде гриба.

– Вот и пришли, выходит, – сказал Сережа.

В его голосе была радость. Даша решила, что радость узнавания. Он распрямил локоть, сбросив Дашину ладонь с руки, шагнул вперед, на бревенчатый порог, и раскрыл пе-

ред ней дверь.

«Какой джентельмен! Чудесный, возлюбленный образчик патриархата,» – с нежностью подумала Даша. И еще, – «Что ж, наконец-то можно и поесть...»

Глава 2

Внутри было тепло, просторно, невероятно уютно. И, как ни странно, многолюдно: все разговаривали о чем-то, все ели, пили... На стенах висели картины. Даше казалось, что она видела их раньше или, во всяком случае, видела очень похожие картины. Пахло жареным мясом, землей, картошкой и еще, горько-сладко, – пивом. Даша втянула этот воздух насколько хватало легких: ее заполнили спокойствие и радость. Словно бы она дома. Словно бы она давно не была вот так вот, по-настоящему дома.

– Как же тут хорошо... – сказала она вполголоса и растянула рот в улыбке.

Сережа же шел спокойно и ровно вдоль рядов деревянных столов и лавок туда, где еще были свободные места. Наконец, он остановился у столика, над которым висело мрачное, но невыразимо спокойное полотно: черное пятно елей в обрамлении белых, стройных скал. Он кивнул ей, и Даша села, поставила локти на столешницу. Та была теплой и чистой.

– А тут довольно мило, – сказала она. – Это такой о-очень секретный ресторан, да?.. Но очень хороший.

– Ты еще ничего тут не съела, – резонно заметил Сережа, необычно ловко для своих габаритов сел за стол напротив нее. – Как же ты можешь говорить, что это хорошее место?

– А ты... вы... Сергей Гаврилыч не стал бы ходить в пло-

хие рестораны, – чуть запинаясь, ответила Даша.

– Это правда. Но, все-таки, называй меня Сережа. В этом имени же нет ничего стыдного, а? – ответил он. И поднял руку, подзывая официанта.

Но никто не шел к ним. Какое-то время.

– Знаете... знаешь, я думала, мы идем в какое-то странное место, а оказалось, что во вполне нормальное заведение общественного питания. С одной стороны так, конечно, спокойнее, с другой – меня как будто обманули... Хотя, впрочем, у него такое странное местоположение! Очень странное. Кто вообще может ненароком зайти в ресторан под землей, в переходе, непонятно где...

Сережа усмехнулся, сцепил руки в замок, положил на них голову:

– Так в том-то и дело, что никто не зайдет. Ненароком никто не зайдет, – он говорил разделяя слоги, с хрипотцой.

Потянуло холодом. Даша отчетливо услышала мелкий, ласковый перезвон, становившийся все громче – она испуганно обернулась и в нежном, все затенявшем полумраке этого места различила фигуру в белом саване, с головы которой спускалась тяжелая, с вплетенным серебром, с аккуратно-металлическими бубенцами лента. Под лентой – тень. Фигура в саване остановилась, замерли складки ткани, застыли тени. И она услужливо и тепло сказала:

– Чего желаете сегодня, Сергей Гавриилыч?

– Три куска пирога с белыми грибами, Леночка. Еще, по-

жалуй?.. – он вопросительно посмотрел на Дашу, Даша кивнула, соглашаясь на все, кроме мучительной смерти. Он продолжил, – еще, пожалуй, стейк для девушки, пинту молочного стаута и... и, думаю, бокал той, как ее, блондинистой бурды...

– Bourgogne? – переспросила Леночка.

Сережа кивнул:

– Да-а, ее самой, кажется. Напитки как можно скорее, прочее – по готовности.

Официантка сложила руки в жесте покорности, кивнула: бубенцы ответили тихим звоном. Повернула голову... точнее, тень, скрывавшую лицо к Даше:

– Стейк, полагаю, средней прожарки?

Даша кивнула, снова соглашаясь на все.

Фигура ответила кивком-перезвоном. И продолжила:

– А вы, кажется, у нас впервые? Рады приветствовать нового гостя.

Жест – звон... Радости Даша не распознала, но предпочла поверить на слово. Движения рук, текучесть легкой ткани скрывали под собой силу – это восхищало Дашу так, как не восхищало ничто иное, и вместе с тем – пугало так, как не пугало ни что. И это было так схоже с...

Силой, с которой гифы раздвигают землю и плоть,

Силой, с которой они входят в ткань деревьев, раздвигая, оплетая клетки,

Ажурно – прекрасно – жутко... Ничего не превалирует,

все – немой восторг...

Даша сидела неподвижно, почти не дыша уже около трех минут.

– Она тоже рада вас приветствовать, Леночка, – наконец, ответил за нее Сережа и расцвел в своей очаровательной улыбке. – Она не часть культа, но это лишь вопрос времени. Не беспокойтесь, ей можно доверять.

Фигура в саване снова сложила ладони:

– Да оплетет мицелий трупы наши. Наслаждайтесь отдыхом.

И она ушла в другой конец зала, скрылась за неприметной дверью. Даша вспомнила, как дышать, применила знания на практике, пока у нее не закружилась голова от избытка кислорода, и, наконец, сказала:

– Ах вот как выглядит первоклассный сервис! Честно говоря, я чуть не умерла...

– Ничего страшного, ты только чуть, а некоторые и впрямь умирали, – ободряюще заметил Сергей Гавриилыч.

– Ой, как здорово! – Даша восторженно улыбнулась: приятно было оказаться выносливее, устойчивее иных. Посмотрела в его темные глаза, тут же отвела взгляд в стол, – Ну, здорово, что я только «чуть»... Наверное, так и должно быть в... таких местах. Пусть и не знаю каких, но таких. Хотя про мицелий, конечно, немного... жутко. Но красиво, этого не отнять. Знаете, это «оплетет трупы наши»... Безумно красиво! Этот вечный сюжет о «жизни, что питается смертью»

или, говоря иначе, «чужой жизнью»... Это отрадно, радостно и, как мне кажется, невероятно важно... И все-таки тут хорошо. Думаю, тем более хорошо, что здесь – вот так, а не эдак!

– А ты, оказывается, любишь поговорить, – отвлеченно заметил Сережа, провел указательным пальцем по ее ладони...

Даша ее отдернула, прижала к груди:

– И-извините... я становлюсь болтливой и начинаю нести всякий бред, когда волнуюсь. Прости, пожалуйста, Сереж, мне просто надо немного успокоиться, я думаю.

Он кивнул и устало откинулся на спинку скамьи, закрыл глаза.

«Конечно, он устал. Он не мог не устать за такой ужасно длинный рабочий день», – подумала Даша. Снова глубоко вдохнула, выдохнула.

Саван.

Она – пока не часть культа,

Она – верно, в будущем станет частью...

По-свадебному белый и все-таки – саван. Вот как здесь, значит.

Даша подняла взгляд на картину, все так же, конечно, монолитно, неизменно висевшую над их столом: то же пятно деревьев, те же скалы. Скалы были похожи на толстую, слишком толстую, чтобы ее расколоть, яичную скорлупу. Они обнимали остров, закрывая его в себе...

Когда Леночка подошла почти неслышно и аккуратно, с характерным перезвоном поставила кружку темного пива и бокал янтарно-светлого, то Даша заметила и разобрала под рамой табличку с подписью: «Арнольд Бёклин. Остров Мертвых», и еще – «Подарена Сергеем Ольшевым».

– Ваше пиво, – мелодично произнесла Леночка и ушла.

Или это была не Леночка. Даше пока было трудно различать людей в одинаковых белых одеяниях, а бейджиков с именами у официантов здесь, к сожалению, не было. Или к счастью.

«Иногда чем меньшим количеством информации ты располагаешь, тем лучше,» – отвлеченно подумала Даша. Подняла бокал, прохладный, гладкий, и сделала первый глоток...

– Ах-ха... это, это же... – в голове путались, громоздились друг на друга слова, она не могла ухватиться ни за одно из них. И все-таки попыталась их связать, – Это лучшее, что я пила в своей жизни! Такое тягуче-сладкое, словно мед или свет, и все же с горечью, хмельной, с нотками цитруса... Оу, с ним явно все совсем не просто! Выдержано в дубовых бочках, правда же? Технология, конечно, несколько нестандартная для пива, но именно поэтому дают столь узнаваемый, благородный оттенок вкуса! Так, с-вашего-позволения-Сереза, еще один глоток...

Она стянула эту ласковую влагу, пену, закрыла в блаженстве и эстетическом экстазе глаза. Когда Даша их снова от-

крыла, в них был огонь и странный азарт.

Сергей Гавриилыч наблюдал за ней безотрывно, потягивая молочный стаут.

– Что ж, хм-м... у меня появилось еще несколько идей, – доверительно сообщила она, перекатывая свой Bourgoigne по краям бокала. – Во-первых, это определенно многокомпонентное, как я их называю, химерное пиво... Пусть, если судить по ряду вторичных метаболитов, дрожжевые культуры были использованы вполне... классические, возлюбленные нами *Saccharomyces cerevisiae*, но что до штамма... Бельгия, не так ли? Очевидна гомозиготность по локусу 5q574/5p574...

– Как? – еле слышно выдохнул Сережа.

Даша пожала плечами:

– Ну, это лишь предположение. Да и, это... честно говоря, я не знаю, как это точно определить, но я бы сказала, что это, ну... какая-то безупречная бесконфликтность вкусо-ароматических характеристик?.. Ну, разумеется, лишь по части спектра и у одной из используемых культур, – спохватившись, добавила она, смущенно опустив голову. – Простите, пожалуйста, если я в чем-то ошиблась... Я ведь так, во многом любитель в таких вопросах. И моей стипендии едва ли хватает на полноценное знакомство со всеми существующими сортами...

– Как долго я тебя искал, – только и сказал он.

Даша замерла. Их глаза встретились. И вдруг Сережа по-

ставил ладони на стол, подался вперед, – скрип дерева, вдох Даши, – и его губы легли на ее. Она опустила веки, раскрыла рот до влажной слизистой, отдаваясь поцелую, чуть кололась щетина... В ушах забились восторг и кровь.

Он отстранился, не сказав ни слова. И Даша сделала еще один маленький глоток, подержала во рту до легкого жжения спирта у слизистой губ. Сережа ласково улыбнулся ей, и ей показалось, что глаза его помутнели, стали масляно-ласковыми. И отхлебнул своего темного, почти черного пива.

Он, конечно, еще не пьян. И все-таки?..

– Что ж, – сказал Сережа. – Я знал, что тебе понравится этот сорт, но чтобы настолько... ты удивительная женщина.

– Спасибо, – смущенно кивнула Даша.

Ей всегда были приятны оригинальные комплименты от достойных мужчин.

– Только, это... может, мне придется занять у вас денег. У меня их не так много, а тут, наверное, все очень дорогое.

Сережа опустил подбородок, отрицательно потряс головой:

– Глупости. Я сегодня плачу. Хотя бы как заведующий лабораторией, ужасно нагружающий свою сотрудницу в последние дни. Возражения не принимаются. Кстати, тебе как, не страшно здесь? Тут немного своеобразная атмосфера, это понимаю...

– Не-а. Мне тут очень нравится. Как может быть страшно там, где разливают такое вкусное пиво? Да и, знаете... я ведь

С вами.

– Да, ты ведь со мной, – эхом повторил Сережа.

Он положил руку на стол, ладонью вверх. Наклонил голову... Даша не поняла, как же считать этот жест.

«Какой он... милый. Даже странно,» – только и подумала она. И осторожно, неловко вложила свою ладонь в его. Сережины пальцы согнулись, сжали ее кисть, казавшуюся сейчас тонкой, хрупкой. Он провел шершавым, грубым большим пальцем по ее коже.

И Даша отпила еще глоток.

– Это какое-то «место для своих», да? – спросила Даша.

– Да. Исключительно для своих.

– И все же вы пришли сюда со мной.

– И все же пришел, – повторил он эхом. Отпил пива: от него Сережино дыхание становилось горьковато-карамельным.

– Тебя здесь называют по имени-отчеству!

– Это правда. В том числе поэтому мне хочется, чтобы хоть кто-то называл меня не так.

– Это не так уж и просто, все-таки ты мой, вроде как, босс... Мне как-то спокойнее называть тебя Сергеем Гаврилычем. И, кстати... разве у тебя нет девушки, которая называла бы тебя Сережей? Или, может, Сереженькой? Сережечкой...

Он раскрыл ладонь, протолкнул свои пальцы между ее пальцев. Даша не сопротивлялась.

– Я же сижу здесь с тобой. Значит, нет.

Горячая кровь, смущение ударили в щеки Даши, но она стойко выдержала удар:

– Ах, вот оно что... и все-таки, это. Ну. Почему мы не пошли в более... обычное место?

Он устало поднял брови, устало же ответил. Говорил тихо, так что в его голос просачивалась уже знакомая Даше хрипотца:

– Потому что я часть культа. А те, кто входит в культ, имеют право принимать питье и пищу лишь из рук таких же членов культа... или же своих собственных рук. Это нерушимое правило, хотя и часто не самое... удобное, что ли? Но правила не бывают удобными. *Dura lex sed lex*, – торжественно произнес он.

Даша слушала внимательно, стараясь дышать тихо и ровно. Старалась меньше концентрироваться на том, как она дышит, но это было почти невозможно. А Сережа продолжал.

– Думаю, изначально в этом была, скажем так, бытовая необходимость: яды, все дела... Но сейчас это скорее... традиция.

– Или символ цикла энергии и материи внутри культа.

– Не думал об этом так.

– Мне кажется, все-таки думал. И, кстати... я думала, это какая-то секретная организация. Разве ты не должен как-то, ну, не знаю даже...

Сереза пожал плечами, сильнее сжал ее руку. Даша с удивлением заметила, что пива в его кружке почти не осталось.

«Удивительный человек,» – подумала она.

– Я привык спокойно говорить о культуре в присутствии стажеров.

– Почему это? – не поняла Даша, нахмурилась. Бокал замер у ее губ.

– Стажеры все равно долго не живут, – беззаботно заметил он. – Именно поэтому они и стажеры: квалифицированных кадров в таком количестве вряд ли кому-либо когда-либо удавалось найти.

Даша нервно улыбнулась, цокнула языком:

– Да ты тиран.

– Я реалист, – поправил ее Сереза и одним мощным глотком закончил со своим стаутом. – И, как бы то ни было, ты первая, кого я сюда привел. Честно, даже не знаю почему. Просто мне кажется... мне кажется, с тобой все иначе, что ли? Опять же, пельмени... Думаю, в конечном итоге, все дело в пельменях. Помнишь, куртка и... Впрочем, все началось раньше. Как мне кажется, намного раньше. Может, за долго до твоего, может, даже и до моего рождения.

Даша промолчала. В полумраке вновь возникло белое пятно, Леночка, с металлическим подносом в руках. Поставила перед Дашей доску со стейком, перед Сергеем Гаврилычем – тарелку с исходившими паром и дурманяще-гриб-

ным запахом кусками пирога. Забрала опустевшую, с остатками кремовой пены по краям кружку, спросила:

– Повторить?

– Да, будь добра, повтори.

И она ушла. Сережа разжал ладонь, его рука выскользнула из Дашиной, он сказал:

– Что ж, полагаю, приятного аппетита.

И он принялся основательно, со вкусом один за другим кусать и жевать куски пирога. Через пару минут по правую руку от него возникла новая кружка пива, он отхлебнул, стягивая плотную пену...

– Приятного аппетита, – отозвалась Даша и взялась за вилку и нож.

Мясо выглядело хорошо. Она его распилила, наколола кусок на вилку, опустила в соус...

– Очень вкусно! – и не соврала.

Даша жевала старательно, понемногу тянула пиво из своего бокала, уже ставшего теплым. Мысли в ее голове перекачивались с боку на бок лениво, блаженно...

Она была счастлива. Странно, совершенно контринтуитивно счастлива.

«Наверное, только таким и бывает счастье,» – подумала Даша.

Когда с трапезой было покончено, когда счет был оплачен, короткая часовая стрелка переползла за девять.

– Уже поздно, – с неясной грустью сказал Сергей Гаври-

лыч. – Ты далеко живешь отсюда?

Даша улыбнулась, покачала головой:

– Я даже не совсем знаю, где это мы... думаю, далеко?

– Тогда, может, останешься сегодня у меня? Я живу совсем рядом.

И Даша кивнула, соглашаясь.

– Какой же ты все-таки хороший.

Глава 3

Дом Сережи был огромен. Двадцать пять этажей, полукружные, лабиринтоподобные коридоры, несколько консьержей – на каждый из выходов... И все-таки он был вполне человеческим многоквартирным муравейником, пусть и стоял посреди пустыря, в окружении высокого железного забора... Кажется, человеческим.

– Леди, могу я попросить ваш документ? – спросил Дашу консьерж с седой аккуратной щетиной.

– А можете не попросить? – с некоторым удивлением ответно спросила та. Но тут же спохватилась, – Ой, извините, бога ради, я не разбираюсь, точнее, постоянно путаюсь в такой форме вежливых просьб... Точнее, ну, вы поняли, – запинаясь, закончила она.

И стала рыться в синем, потертом рюкзаке, пока не вытащила паспорт в розовой, с грибным орнаментом обложке.

Консьерж взял его, раскрыл, поднял крышку сканера...

Даша стояла, смотря то в пол, то на стоявшего чуть поодаль Сергея Гавриилыча.

– Номер квартиры? – равнодушно спросил консьерж.

– Восемьдесят девятая, – сказал Сергей Гавриилыч. – Она мой посетитель. Думаю, скоро станет жильцом.

Даша ничего не сказала, но губы сами собой растянулись в глупой и немного испуганной улыбке:

«Жильцом? Как же так – жильцом?.. Вот так сразу – жильцом?! Ну зачем ты это сказал, ну зачем, зачем... Какой же он все-таки в некоторых вопросах чёрствый, бесчувственный, беспардонный дурачок,» – думала она, желая схлопнуться в материальную точку. Отчего-то было стыдно и все-таки радостно.

Консьерж кивнул, что-то записал, вернул ей паспорт. У нее дрожали руки, заедал замок на рюкзаке, но, в конце концов, с формальностями было покончено, и она пошла вслед за Сергеем Гавриилычем.

Лифт.

Металлическая черная дверь – замок – ключ...

Внутри было немного прохладно и темно. С тихим щелчком Сережа включил свет, – белый, длинными полосами обрамлявший углы между монотонно-черными потолком и стенами, – отодвинул зеркальную дверцу одёжного шкафа, кинул в него куртку, к небольшой кучке других курток, ветровок: плечиков было достаточно, но они все висели пустыми. Очевидно, Сергей Гавриилыч, плечики презирал. И Даша последовала его примеру.

– Проходи, не стесняться.

– Хорошо, – кивнула она.

И пошла за ним: по короткому коридору прихожей с прямыми углами мебели, зеркал, после – такие же прямые углы кухонного гарнитура с черным квадратом плиты, плоско-глянцевого телевизора, дивана из красной кожи, встроен-

ных в стену стеллажей, колонок...

Даша подумала, что на всем здесь лежит ощущение одиночества. Словно бы квартира была нежилой. Словно бы в ней не хотели жить.

– Знаешь, а у тебя тут довольно... мило, – сказала Даша. – Красиво.

Он кивнул.

– Прости, тапочек нет... ковров тоже нет. Если будут мерзнуть ноги, могу дать носки.

– Какие носки?

– Теплые, из шерсти яка.

Даша кивнула, чуть погодя, помотала головой:

– Да не нужно... по крайней мере, пока. Кстати...

Сережа сел на диван, положил руку рядом с собой: «сидись». Даша села, прижавшись бедром к его бедру. Продолжила:

– Кстати. Только ответь мне честно, Сереж, ладно?

– Я всегда отвечаю честно.

– Согласно категорическому императиву Канта? – чуть нервно улыбнулась Даша.

– И ему тоже: «о мнимом праве лгать из человеколюбия»...

Даша тихо рассмеялась, прижала руки к шее:

– Эй, теперь мне даже страшно спрашивать! Какой ты все-таки... Уф, ладно-ладно, – она зажмурилась: так было говорить проще. – Я просто хотела узнать... почему ты сказал

консьержу, что я, может, скоро стану жильцом этого дома?

Она раскрыла глаза, смотрела на него. Ждала ответа. Он пожал плечами:

– Я сказал не «может, станет», а «думаю, что станет». Это могла бы быть ерунда, но, как водится, в некоторых вопросах критически важна точность оценки. И я это сказал, потому что в самом деле так думаю.

– То есть?

– Я хочу жить с тобой.

Даша забыла, как разговаривать. Засмеялась, оборвала себя... замерла. Сказала тихо и быстро, не веря, что она это говорит:

– Получается, ты любишь меня?

Сережа напряженно, расфокусированно смотрел в одну точку в пустом, отражавшем их силуэты экране телевизора. Какое-то время сидел молча, сцепив руки в замок – Даша начала думать, что он и не слышал ее вопроса.

Прошла минута. Две. И все-таки он ответил:

– Я не знаю, – его голос был тихим. – Что значит «любить», это... довольно расплывчато, как мне видится. И все же я хочу жить с тобой, хочу видеть тебя. Хочу, чтобы ты стала частью культа, хотя не должен принуждать тебя к этому.

Повисла тишина. Даша не двигалась, дышала ровно, медленно. Сережа продолжил:

– Мне с тобой спокойно. Мне с тобой интересно, Даша.

Может, даже так же интересно, как при работе с редкими видами грибов. Пусть я сам не знаю, почему я хочу, чтобы ты была в моей жизни, в конце концов, нас не назвать знакомыми близко... и все-таки я хочу. И все-таки мне будет плохо, если тебя не будет. По крайней мере, я так думаю, а я редко ошибаюсь, да и...

Он с шумом набрал воздуха в легкие, но Даша обвила руками его плечо, прижалась к нему и сказала:

– А вот я люблю тебя.

Сережа рывком повернул к ней голову, его темные глаза встретились с ее, а по лицу расплзлась искренняя, почти детская радость. И так странно было Даше видеть ее на этом суровом, мужественном лице... и все-таки она была. Он сжал губы, сглотнул и спросил:

– Ты уверена в том, что говоришь правду?

– Ты очень забавный, – Даша коротко рассмеялась, отвела вниз взгляд, но тут же вернула. Смотрела серьезно, как могла серьезно. – Я бы не стала вам врать, Сергей Гаврилыч.

И он упер локоть в спинку дивана, та прогнулась со скрипом – перевалился и накрыл Дашу своим теплым, сильным телом, влажно-горячим дыханием. Его голова была над ее плечом, колелась борода, Сережины губы впились в кожу ее шеи, разрывая капилляры до гематомы, вгоняя боль, радость и возбуждение.

– Н-нг, гх-ха-а... – со стоном выдохнула Даша, выгнула спину. – Как-то... н-нг... резко ты, Сережа... с чего вдруг?

Н-нет, я не против, просто...

Его губы отстранились, он сказал:

– Спасибо тебе, Даша.

И поцеловал, протолкнув мягкий язык в ее рот. Даша в удивлении раскрыла глаза, но тут же сомкнула веки: кажется, их было положено смыкать в таких ситуациях. И выгнулась сильнее, вдавливая свою грудь в его, вдавливая тело в его чуть мягкий, даже через рубашку теплый живот, в продолговатую твердость его паха.

Он отстранился, сказал:

– Можно?

– Да, – выдохнула она.

Он кивнул – его борода проскользила по ее шее: щекотно, приятно. Поддел большим пальцем, задрал ее кофту, простой белый лифчик – упруго качнулись и застыли мягко-округлые, теперь обнаженные груди. Положил ладонь, сжал, поймал ее взгляд...

И все же его голос оставался абсолютно спокоен:

– Но нам стоит перейти в спальню. Здесь довольно тесно.

И Сережа отстранился, встал. Даша подскочила вслед за ним, поспешно натягивая ткань, пряча наготу.

– Ты могла бы не вставать.

– Т-то есть?..

Он хитро улыбнулся, завел руку под ее колени и оторвал от пола, сжал, перехватывая поудобнее.

– Р-руки разожми немного, в смысле, пальцы. Больно, –

тихо сказала Даша.

– Прости, – сказал он. И невозмутимо пояснил, – Не часто поднимаю женщин. В основном штангу.

– Правда?

– Повторюсь, не имею привычки врать.

Даша улыбнулась, кивнула: «и впрямь». Она закрыла глаза, прижимаясь к его груди...

В спальне было прохладно и темно. Сережа опустил ее на фосфорически-белое покрывало, включил прикроватный ночник: стало по-желтому тепло. Уютно. Он распрямился и стал аккуратно, одну за другой выдавливать пуговицы из петель, обнажая широкую, с редкими черными волосами грудь. И Даша все же стянула кофту, путаясь в волосах, руках, самой кофте, сняла джинсы...

– Трусы тоже снимай.

– Да знаю я, – хотя соврала: не думала она их снимать. Думала оставить.

И все-таки сняла. Села с краю постели, прямо перед ним, обнаженным, как тогда в душе, но... совсем иначе.

Его налитый кровью член стоял ровно, с нестянутой крайней плотью, с крупной веной, совпадавшей с осью симметрии.

«Какой все-таки твердый у него матрас. Наверное, не только матрас,» – подумала Даша.

У ног скапливался знакомый жар, знакомая влага, но сейчас... да, иначе.

– Ложись.

И она легла, откинув руки назад. Секунда – и кровать под ней прогнулась сильнее: над ней навис Сергей Гаврилыч, уперев руки по обе стороны ее головы, колени – по обе стороны ног.

– Будет больно, в общем, кричи.

– Л-ладно, – и она зажмурила глаза. Ждала, со страхом, желанием и интересом ждала, как он протолкнется между ее ног, войдет...

Но пока – нет. Он медленно провёл языком по ее соску, сжал губами. Он сосал ее грудь спокойно и основательно, и когда Дашу накрыла безмятежность, к горлу подступило блаженство, когда оно нитями нервов стянуло от ритмичных движений его губ, от произвольных сокращений вагины – она все-таки открыла глаза. Выдохнула горячо и радостно, растянув губы в улыбке:

– Х-ха... спа... спасибо тебе, это очень приятно. Ты все-таки такой хороший, – и она аккуратно и все же ленно провела ладонью по его густым черным волосам, ласково взъерошила их.

А лицо Сережи было по-детски серьезным, сосредоточенным. Даша растерла бедрами возбуждение, подалась вперед, к нему, вдавливая влажные от смазки губы в его горячий, твердый член. Немного оттянула назад, вперед, снова...

Это было приятно. И она сжала зубы, подавляя стон.

Вдруг он отстранился, вытер губы, сжал широко-теплыми

руками ее бедра, отвел вверх, раскрывая ее жар и влагу. Стянул мягкую кожу, обнажая лилово-красную, с каплей смазки плоть, прижал ее ко входу – ее смазка смешалась с его... Он поставил локти у ее головы, накрыл груди жаром и потом своих плеч, и толкнул в нее член одним движением бедер.

– Ой-й, – вскрикнула Даша.

Кровь стала иглами. Она застыла, сжала ее влагалище, жгла, по-странному больно – Даша зажмурилась, выгнула спину. На глазах выступили слезы...

Но Сережа прижал ее к кровати, провел по голове, успокаивая:

– Прости меня, тш-ш, тише, Даша, тише-тише... потерпи немного, ладно? Расслабься.

Его дыхание было спокойным и ровным. Даша слушала его и начинала дышать вместе с ним. Спокойно. Ровно.

– Хорошо.

Он оттянул бедра, снова вогнал, оттянул – его движения сливались в медленную, поступательную пульсацию. Еще раз: оттянул – вогнал, оттянул – вогнал, оттянул... Дашина кровь снова стала жидкой – горячей – она смешалась с зернистым восторгом, радостью... И они проступали той же пульсацией: когда его член был внутри, когда растягивал плоть ее слизистой, когда бился туда, в шейку матки.

И не осталось ничего: Даша чувствовала, Даша верила, как все ее тело становится пустым, все нервы, все чувства стягиваются к коже у ворса простыми, к коже у его потно-го-

рячей кожи – и туда, где член мерными толчками входил между ее красно-неровных, скользких от смазки губ.

Она разжала зубы, и ее дыхание смешалось с грудным, тихим стоном.

– Нхан-нх... Ах-ха... знаешь...

– Что? – голос Сережи оставался спокоен, как были спокойны и его глаза, хотя и непривычно, масляно-спокойны.

– А мне очень хорошо. А тебе? Ты... нх-х... ты выглядишь н-немного...

– Мне хорошо, – сказал он.

– Хорошо, – тихо кивнула Даша.

И остановила взгляд на потолке, простом, белом, с желтым пятном света от лампы, пытаюсь запомнить каждую частицу пыли, каждую нить хлопковой ткани простыни, каждый его вдох, выдох, каждый свой собственный...

Этот физический, странный восторг стал накапливаться, задерживаться у стенок влагалища, впиваться, вплетаться в нейроны и мышцы, пока глаза Даши не закатились, пока тело не стянуло судороги оргазма. Тогда она обхватила широкую спину Сережи руками и ногами, скрадывая толчки, оставляя в себе его член – неподвижно, как можно глубже...

– С-стой, мой хороший, мой милый, пожалуйста, стой...

Она сильнее, до боли в мышцах сжала ноги, подталкивая таз ближе, все ближе к нему – все глубже.

– Нг-га... арх-а-а... ха-а...

– Сними ноги, – сказал он быстро, едва разборчиво.

Она подчинилась, опустила ступни на прохладную, мокрую от их пота простынь – Сережа вытащил член, прижался стволom к ее губам, к ее клитору. Опустил голову, – волосы распались на пряди, черные, блестящие от пота, – и пару раз провел им вперед-назад, пока тот не начал с короткой, произвольной пульсацией выбрасывать вязкую белую сперму. Она скатывалась с Дашиного живота на простынь, оставляя за собой липкий, прохладный след.

– Мне правда было хорошо, – сказал Сережа и прижал свой лоб к ее лбу.

Глава 4

Когда Даша проснулась, Сережи рядом с ней не было. Пусто. Тихо. Ей стало страшно, что он ушел – исчез – не вернется...

«Впрочем, это же его квартира. В свою-то квартиру он, конечно, вернется,» – с облегчением подумала Даша, откинула тяжелое одеяло и встала.

Было прохладно. Особенно прохладно было, если стоять голый. Без долгих колебаний Даша сгребла в охапку еще теплое от ее тела одеяло, натянула его на спину и плечи и пошла, босыми ступнями собирая пыль с холодного пола. По ходу продвижения она все больше понимала, что представления о географии этой квартиры она имеет крайне... поверхностные – и все-таки она шла.

Коридор – двери по правую и левую руку от нее, все закрытые, все одинаковые...

«Наверное, эта квартира меньше, чем кажется. И все-таки она огромна,» – подумала Даша, плотнее кутаясь в одеяло.

Но совсем скоро она нашла то, что искала: на кухне стоял Сергей Гаврилыч с обернутым вокруг бедер полотенцем и неотрывно, сосредоточенно смотрел на закипавший электрочайник. Наконец, вода забурлила, потом – затихла, и наконец – раздался щелчок. Он кивнул, легким движением руки вылил кипяток в раковину, налил новую, холодную воду,

снова поставил греться.

– Что ты делаешь? – спросила Даша, едва разлепляя за-
спанные веки.

Он, кажется, не услышал. Она повторила:

– Что ты делаешь? – и подошла к нему чуть ближе.

Мерзли ноги.

– А? – наконец, он услышал, обернулся на нее. На секун-
ду замер: анализировал. И ответил, – Как что? Смотрю на
закипающую воду.

– Но зачем?

– Мне хорошо думается, когда я смотрю на закипающую
воду, – невозмутимо пояснил он.

Протянул к ней руку, потрепал по голове, провел по щеке
тыльной стороной ладони. Чуть задержал.

– Ты как, есть хочешь?

– Хочу. А можно?

Он улыбнулся, отнял руку от щеки:

– Можно. Яйца будешь?

Даша кивнула.

– А может, лучше я приготовлю? Я все-таки, это... жен-
щина.

Сережа пожал плечами:

– Обязательно! Но потом. Помнишь же, что члены культа
могут принимать пищу только от других членов? А ты пока
к культу не относишься, так что давай лучше я... ты садись.
Ноги мерзнут?

– Мерзнут, – сказала Даша, потерла ступню о лодыжку, стряхивая пыль и мелкий мусор.

Тогда он задумчиво хмыкнул, открыл один из верхних шкафов кухонного гарнитура, тот, где была проволочная сетка для сушки тарелок. Но тарелок там не было, а были аккуратно выстроенные в ряд шерстяные носки с вышитыми верблюдами.

«Надо будет устроить здесь, эту, перестановку, раз уж съедемся,» – подумала Даша, но вслух ничего не сказала.

Сережа протянул ей одну из пар носков.

– Правда, они моего размера, но больше не меньше. Они чистые, я их даже не надевал ни разу: я не мерзну, а мама... ну, она мама, – философски закончил он.

«Какой, все-таки, мужчина... удивительный,» – решила Даша и молниеносно надела носки. Они кололись, предполагаемые пятки буграми торчали значительно выше, собственно, пяток, но носки были теплыми. Действительно теплыми. Даша села за обеденный стол, подтянула к себе ноги, и, укутав их одеялом, и стала наблюдать, как Сережа готовил: достал сковороду, один из лотков яиц, налил в сковороду масло и стал методично разбивать скорлупу: одно яйцо – два яйца – три яйца...

В очередной раз вскипела вода, но на этот раз Сергей Гаврилыч не стал ее выливать.

– Все-таки хорошо, что сегодня суббота! Никуда не надо... – сказала Даша.

– Ага.

В расход пошло восьмое яйцо. Сережа немного помедлил, внимательно посмотрел на Дашу. Разбил девятое. Еще раз посмотрел. Разбил десятое и убрал оставшиеся яйца в холодильник.

– А о чем ты думал сегодня?

– О разном.

Белки яиц, шкворча, медленно мутнели. Сережа взял лопатку и принялся разделять яйца на единица-квадраты.

– Знаешь, а мне очень понравилось вчера... ты очень хороший, – она хотела добавить «любовник», но не решилась. Как-то грубо это звучало, пошло.

А еще она хотела добавить «совсем как Пельменный Человек!» – но и на это не решилась. По крайней мере, пока.

Он кивнул, сказал:

– Ты тоже. Не было больно?

– Только чуть-чуть. Ты, как сказать... ну, ты немного большой. Но это неплохо, – она еле договорила, покраснела.

Хотя глупо, конечно, краснеть.

Пахло жареными яйцами. Довольно вкусно пахло, стоит признать.

Сережа пожал плечами:

– Не намного больше среднего.

– Понятно.

– Чай будешь?

– Буду. А какой есть?..

– Трава какая-то, – неопределенно ответил Сережа. – У меня был заварочный чайник. Ну, кажется, яйца все. Тарелок у меня нет, так что будем есть со сковороды. Если хочешь, можешь потом купить.

– Что купить?

– Тарелки.

Он поставил перед Дашей разделочную доску из толстого дерева, сверху нее – сковородку, достал пару вилок, пакет какой-то, в самом деле, сушеной травы, округлый чайник из стекла, пару кружек...

Заваренный чай пах неопишимо знакомо, по-родному. Кажется, банным веником.

И, наконец:

– Приятного аппетита, – сказал Сережа и подцепил вилок один из квадратов безупречно-белого, с жидким желтком яйца.

– Приятного, – поддержала его Даша и последовала его примеру.

Яйца были совершенно несоленые, пресно-резиновые. Даша решила, что в некотором будущем готовить будет все-таки исключительно она: по крайней мере яичницу... И все-таки чай был хорош, а пища жевалась и насыщала.

– Кстати... Сережа.

– Что?

– Могу я тебя кое о чем спросить?

Он дожевал, проглотил:

– Спрашивай, не стесняйся, – и подцепил очередное яйцо. Даша сжала руками кружку, грея ладони, настраиваясь на...

– Это немного странный вопрос, сразу скажу, но я все равно его задам. В общем, ты последние дни все будто бы самому себе говорил «значит, пельмени» и... с чем это связано? Просто, ну... мне очень и очень неловко об этом говорить, но совсем недавно у меня был сон или, может, галлюцинация о... о Пельменном Человеке. Мне кажется почти невероятным, что это просто совпадение, но и связать я это никак не могу, вот.

Вилка замерла в руках Сережи. Он медленно, аккуратно вернул яйцо на сковороду.

– Что это была за галлюцинация? – только и спросил он.

– То есть?

– Что сказал тебе Пельменный Человек? Или, может... вы делали что-то вместе?

Даша едва подавила желание сползти под стол от стыда: нет, она сильна, она сильна духом!..

– Это очень смущает, – сказала она тихо, опустив голову.

Она видела только чай. Едва окрашенную воду с легким паром над ней. Но поверх ее ладони легла его рука, она отчетливо, как никогда отчетливо слышала его голос:

– Говори.

– Хорошо, – кивнула Даша, вдохнула, выдохнула. – Я встретила с ним, когда попробовала пиво, над которым ра-

ботаает ваша... наша лаборатория. Кажется, в этом ничего удивительного? Помните, у меня недавно был День Рождения и в подарке от лабы... То есть, лаборатории...

– Подарок тебе вручала Света с ресепшена?

Даша кивнула.

– Ясно. Вечно она все путает.

– Ага... Ну, в общем, – Даша начала тараторить: лишь бы быстрее сказать, – я немного попробовала его и... я сварила себе пельмени... они стали Пельменным Человеком, он совершил со мной коитальный акт, и тогда я еще подумала, что он очень похож на вас, Сергей Гавриилыч!

Сергей Гавриилыч вскочил, его стул упал на пол с громким стуком. Он стоял, сжав руками край стола, его плечи тяжело поднимались и опускались от дыхания... Сережа смотрел на Дашу. И Даша смотрела на него большими, удивленными глазами. Неуверенно сказала:

– Прости?..

Но он улыбнулся, помотал головой, тихо рассмеялся...

– Это не совпадение, Даша. Это совсем не совпадение. Это, скорее, судьба.

– Почему? – не поняла она.

Он ответил. И голос его был неспешен и торжественен:

– Потому что когда я впервые прикоснулся к грани восприятия, что открывает одна из ветвей Великой Грибницы, я был им.

– Кем?

Сереза не сказал ни слова и только длинно, испытующе посмотрел ей в ее глаза.

И Даша все поняла.

Глава 5

Центральный офис Культа был не вполне в центре, не вполне офисом и не сказать, чтобы имел адрес. И все-таки Даша его нашла.

«Ты должна прийти к нему по зову сердца,» – сказал Сережа, наставляя ее на этот путь.

На самом деле, он много чего говорил. Например:

«Ты станешь частью культа только если искренне желаешь этого. Жрецов нельзя обмануть. По крайней мере, на протяжении последних тысячелетий существования Культа никому это не удавалось.»

И:

«Это не секта, а философское течение, следовать которому достойны лишь избранные...»

А еще:

«Культе везде и нигде. Культ гуманистичен по природе своей в большей степени, чем любая иная из человеческих общин...»

Но, насколько она поняла, самым главным было нечто иное:

«Бытие подобно мицелию и в мицелии отражено. Культ – первый и единственный, кто это видит и знает. Он вне войн, вне государств, вне любого экономического строя: он бесконечно ниже (то есть выше) всего этого.»

...значит, ниже. И выше. И одно-другое-значит. Даша все поняла с полуслова. И ее грудь наполняли азарт и восторг от сладостной перспективы стать частью чего-то по-настоящему цельного, чего-то неслучайного, чего-то Великого.

И у Даши потели руки от волнения.

И она доехала до пустынной в это время года, пристадийной станции метро – поднялась до киоска с желтыми газетами, желтыми детективами – прошла мимо прилавка, сказав «Я к Валентине Сергеевне» – прошла склад – спустилась, казалось, бесконечно вниз по серо-бетонной лестнице, прошла первый поворот, второй...

Дверь центрального офиса Культа была прямо посреди сырой, в черной плесени бетонной стене. Снова под землей, снова в бетонной стене.

«Наверное, это у них символизм такой. Какой-то. Грибной,» – решила Даша. Достала из рюкзака носовой платок и нажала на черную круглую кнопку звонка.

– Не заперто!

Даша кивнула, легко открыла дверь и, как ни странно, оказалось в обычном, тесном офисе с бежевыми стенами и фосфорически-синими гифами на них. Они чуть пульсировали и до странного напоминали вены.

Пахло свежестью и землей.

По обе стороны от нее сидели люди перед мониторами, что-то писали, печатали на жужжавших принтерах, пожелтевший вентилятор гнал воздух... У дальней стены сидела

женщина с короткой стрижкой и внимательно, с интересом смотрела на Дашу.

«Валентина Сергеевна,» – догадалась та.

И Даша пошла к ней, мимо столов, людей, проступавших на стенах гиф... Остановилась у белой линии, начерченной в метре от стола, предположительно, Валентины Сергеевны.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Вы кандидат на членство в Культe, насколько я понимаю? – она отпила воду из стакана с толстым стеклом, поджала губы, вернула.

Губы у нее были ровно-тонкие, с педантично очерченным контуром.

«Какая женщина,» – против воли и несообразно обстоятельствам подумала Даша. Сглотнула скопившуюся от волнения, от прикосновения к Великому слюну, ответила:

– Да, я пришла к вам именно по этому вопросу. Прошу, минуточку...

И она расстегнула рюкзак, извлекла из его недр пластиковый конверт с милыми ежиками и, конечно, очаровательными грибами. Из конверта – тонкие листы резюме, написанное от руки рекомендательное письмо от Сергея Гаврилыча. Она вдохнула, выдохнула и протянула их Валентине Сергеевне.

– Благодарю, – сухо сказала та. Испытующе взгляделась в Дашу. И опустила взгляд на бумаги, через толстые линзы в тонкой оправе очков. – Так.

– Т-так?

– Так-так...

Прошла тяжелая минута. Одна. Две... Она перебирала листы педантично-медленно, а служащие в форменных синих галстуках не отвлекались, все продолжали что-то пускать на печать, набирать на клавиатуре, клеить цветастые квадраты бумаги на монитор...

– В странном у вас месте офис расположен, – сказала Даша.

– Разве? – подняла бровь Валентина Сергеевна.

Даша поздно вспомнила, что она склонна нести всякое, когда волнуется. Что ж.

«Сгорел сарай, гори и хата,» – решила Даша и продолжила:

– Ну, он под землей. Это как-то по-кротски.

– По-уродски? – переспросила Валентина Сергеевна.

– По-кротски. От слова крот, – невозмутимо пояснила Даша. – Я скорее ожидала, что он будет в каком-нибудь... небо-скребе. В центре города, в абсолютно застекленном небо-скребе.

Валентина Сергеевна подняла на нее глаза, нежно усмехнулась:

– Что вы, сударыня, мы безумно далеки от кротов. Мы куда ближе к грибам. И когда я говорю «мы», я имею в виду, само собой, Культ.

– Вот как.

Она отложила в сторону Дашино резюме, письмо, легким движением сняла очки и положила острый подбородок на замок сцепленных рук.

«Вот и все, конец,» – подумала Даша.

Но до конца было далеко.

– Видите ли, Дарья... Это нелепая, совсем дурацкая привычка – стремиться вверх. И все же она была всегда: начиная от, я надеюсь, известного вам мифа о Вавилонской башне, заканчивая вполне реальными мельницами, самолётами, ракетами... любимыми вами небоскребами, – ласково пропела она.

– Я не люблю небоскребы. Просто по ассоциации...

– Рада слышать, – ответила Валентина Сергеевна. – Как бы то ни было, упомянутое стремление вверх всегда было... загадкой для меня. Люди не птицы и стремление к небу нам бесполезно: небо рыхло и бесплодно. Небо есть полное, тотальное отсутствие жизни, не случайно вещи трансцендентного характера даже древние люди связывали... с небом. И все-таки эта ассоциация благости с высотой, нет, скорее, с подъемом... Дарья, вы можете предположить, с чем она могла бы быть связана?

Даша замерла, судорожно перебирая в голове все, что знала. Знала она, как ей казалось, много, но почему-то именно сейчас, в самый неподходящий для этого момент вспомнить могла лишь одно:

«Какой все-таки исключительный мужчина Сергей Гав-

риилыч!» – подумала она.

– Этот вопрос уже относится к... собеседованию?

– Ну разумеется, относится, – ответила Валентина Сергеевна, подняла брови: сложился мелкими складками сухой лоб. – Как относится к собеседованию каждое ваше предыдущее, каждое последующее слово, как относится к собеседованию каждый ваш жест и вздох... во всяком случае они влияют на мое о вас представление. Так что вы думаете о движении вверх, Дарья?

«Сгорел сарай...»

– Я думаю, что его можно и даже необходимо трактовать с позиций фрейдизма, – быстрее, чем успела подумать, выдала Даша. – Вот.

– Как интересно!

– Чрезвычайно интересно.

– А не расскажете ли подробнее о трактовке такого рода?

– С вашего позволения?

– Я ведь сама вас об этом попросила, Дарья, – в голос Валентины Сергеевны еле ощутимо просачивалось раздражение.

Это было не очень хорошо.

– А, – Даша на секунду замерла. Проанализировала. Продолжила, – Рост в вертикальном направлении, стремление, собственно, вверх повсеместно наблюдаемо во многих, это, явлениях: апикальный рост стебля и... многое иное. Но подобные явления в контексте понимания людских стремле-

ний и желаний крайне... вторичны. Да, именно что вторичны!

Даша распалась, голос ее креп, а щеки горели – и она не видела уже никого и ничего: все тонуло в дымке предсмертного, увлекающего азарта.

– Они лишь повторение действительно важного, образующего для человеческого сознания процесса наполнения кровью пещеристого тела полового члена, иначе говоря, эрекции. Эрекции! – патетически повторила она, поднимая к небу руки. – Может показаться, что такой взгляд несколько, хм, надуман, однако же... не вполне. Поднятие члена несет за собой как продолжение рода человеческого, значение которое трудно переоценить, так и... удовольствие. Эта плотная ассоциация хорошего, приятного и благостного с поднятием ствола пениса кверху, вероятно, возникла в человеческой культуре в незапамятные времена и... ее появление было крайне ожидаемым. И, стало быть...

Даша сглотнула слюну, отвела глаза влево, вправо – все также работали люди, жужжали принтеры. И только биение сосудов-гиф на стенах, кажется, стало чаще. И она продолжила:

– И, стало быть, люди стали проецировать эту «благость» и на все иные сферы бытия, начиная от строительства зданий, заканчивая... ну, не суть, мало ли чем можно закончить поток аналогий? Как бы то ни было... сейчас я понимаю, что такая экстраполяция была, в сущности... в сущности была

неверной, логически неверной! Ибо питает жизнь не акт зачатия и даже не удовольствие от зачатия: питает жизнь земля.

Она выдохнула. И ей показалось, что офис наполнила тишина: несмотря на то, что кипела чья-то тихая, рутинная работа, несмотря на все мелкие, такие же рутинные шумы, ее сопровождавшие.

Все-таки тотальная, чистая от слов тишина.

Наконец, Валентина Сергеевна подняла подбородок, расцепила пальцы, опустила взгляд на бумаги и сказала:

– Очень хорошо, Дарья, очень хорошо.

– Спасибо, – кивнула Даша.

И она почувствовала, что может пережить и этот день. В конечном итоге – и этот.

– Дарья, считаете ли вы Культ сектой?

– Нет.

– Почему?

– Да!

– То есть?

– То есть, конечно же не считаю! Это как считать сектой союз писателей или, там, дворников России... это не секта, а особое философское течение.

– Кажется, вы прекрасно знакомы с философией Кюльта.

– В основном интуитивно, Валентина Сергеевна.

– То есть?..

– Это естественная часть моей природы, Валентина Серге-

евна!

– Да?

– Так точно!

Валентина Сергеевна задавала вопросы тягучим, вкрадчивым голосом, а Даша на них отвечала: когда могла – «Да, барыня!» (или «Нет, барыня»), а когда не могла – приходилось думать. И Валентина Сергеевна несколько устало делала какие-то пометки, словно собирала анамнез.

Впрочем, может, и в самом деле собирала,

И, наконец, когда стандартные вопросы иссякли, когда настала короткая передышка, а в Дашином животе стал лениво и настойчиво жечь голод, Валентина Сергеевна сказала:

– И все же, Дарья... почему вы хотите стать частью Культа? – она подняла на Дашу глаза, тут же словно отмахнулась, – Нет-нет, я не хочу слышать эти обычные слова о величии о, как вы там говорите, единстве во взглядах... я хочу слышать правду, Дарья. Вы меня понимаете, не так ли?

Даша кивнула. И сказала:

– Я хочу стать членом Культа, потому что Сереж... то есть, Сергей Гавриилыч уже является его частью.

– Кто он?

– Автор рекомендательного письма...

– А для вас?

– Н-начальник... в смысле, он заведующий лабораторией, в которой я сейчас прохожу стажировку и в которой, надеюсь, буду работать.

Валентина Сергеевна цокнула языком, повела головой... как будто бы разочарованно. Равнодушно спросила:

– Только лишь? Увы, если вы хотите таким образом продвинуться по карьерной лестнице, то я ничем не могу вам помочь. Да будет ваше разложение...

– Не только! – крикнула Даша, так, что все люди в белых воротничках оторвали взгляд от экранов, рассерженно обернулись на нее, – Я люблю его. Но он готовит ужасную яичницу, я не могу такой питаться, это... это просто невозможно, уверяю вас, это клинический случай!.. Сережа...

И вдруг Валентина Сергеевна расцвела в улыбке и перебила ее:

– Красивое имя, не правда ли? Он назван так в честь его дедушки. Ах, грибы-грибы, наконец-то этот час настал...

Расчувствовавшись, она смахнула выступившие на глазах слезы, с шумом открыла один из ящичков стола, достала какие-то бланки, расписалась на них там и тут... Пальцем подозвала Дашу:

– Ну, давай, моя дорогая, оставь свою подпись здесь и еще на оборотной стороне страницы... Я могла бы сказать, что это всего лишь формальность, однако эти соглашения и впрямь важны: на завещание своего тела Культу, на неукоснительное обязательство... да подписывай-подписывай, потом считаешь... и, говоришь, ты хотела работать в Сережиной лаборатории на постоянной основе, ведь так? Что ж, тогда понадобится еще один бланк.

Она снова выдвинула ящик, но уже другой, достала стопку бумаг с разноцветными язычками стикеров, казалось бы, наугад вынула один из листков:

– Вот и тут: внимательно просмотри образец заполнения и впиши в поля, как водится, номер и серию паспорта, кем и когда выдан, семейное положение, уровень образования, особые достижения и так далее, и так далее...

Даша послушно заполняла, выводя черной гелевой ручкой цифры и печатные буквы.

Суета.

– И еще один экземпляр, Даша, будь добра. И повернись, освободи затылок от волос: необходимо поставить клеймо. Нет-нет, не переживай, оно совсем маленькое, не больше крупной родинки...

Наконец, когда с бумагами и прочим было покончено, Валентина Сергеевна крепко пожала Дашину руку, пожелала ей рождения множества наследников и счастливой семейной жизни, лично проводила ее до выхода и с тихим, аккуратным хлопком затворила за ней дверь.

А снаружи, – если так можно было сказать об этом месте из сырости и бетона, – было все также. Пахло плесенью, тянуло холодом... Даша осторожно, дрожащими пальцами развернула к себе бумагу, которую все еще сжимала в руках.

Ее экземпляр.

– Трудовой договор о приеме Дарьи К* на должность лаборанта в ООО «Лаборатория смешанных культур» на базе

Научно-исследовательского центра Психо-физической связи Слоев.

Даша глубоко выдохнула и медленно, неспешно побрела вперед, затем вверх по лестнице – к тяжелым стеклянным дверям, к выходу из метро.

Там ее ждал Сережа со странным букетом из синих и красных гвоздик, обернутых в газету. Он улыбнулся ей и раскинул руки, приглашая к объятиям.

– Что ты написал в рекомендательном письме? – спросила Даша.

– Что твое восприятие одного Слоя фантастически совпадает с моим.

– Значит, Пельменный Человек?

Сережа шагнул к ней навстречу. Его руки были сильными и теплыми.

Грело позднее летнее солнце.

СТАЦИОНАРНАЯ ФАЗА

Глава 1

– Сергей Гавриилыч, разве вам не пора на обеденный перерыв? – спросила Света, в вежливо-услужливой улыбке растянув губы.

Ей не позволялось заглядывать в лабораторию без специального разрешения Сергея Гавриилыча, но если чуть-чуть – то можно.

– Идите, Светочка, идите... – отмахнулся тот, не посмотрев на нее, – мы с Дарьей К* еще поработаем.

Света кивнула, закрыла офис, по бетонно-каменной лестнице звонко застучали шпильки: корпоративная столовая находилась этажом выше.

А на этом этаже остались лишь два человека и миллионы миллионов растущих, множащихся и отмирающих дрожжей. И, разумеется, множество продуктов жизнедеятельности иных культур.

Даша нежно провела рукой по металлическому боку ЦКТ, пропела полусшепотом:

– Цилиндро-конический танк... такой новый. Пока пустой. Мы назовем тебя «Паша», – и она прижала мягкие губы к холодному металлу. Осталось пятно. Сказала уже в полный

голос, – Солнце мое, назовем же его Пашей, да?

Сергей Гавриилыч с легким отвращением поморщился, поставил в штатив пробирку с зелено-серой массой. Нервно разгладил отвороты халата, хотя те всегда лежали безупречно. Каким-то чудом. Так что привычка была исключительно нервной.

– Даша, я все-таки искренне не понимаю, почему тебе хочется назвать вполне сносный ЦКТ именем какого-то... стражера.

– Но и я была стажером.

Она прикрыла глаза, легко и плавно оттолкнулась кончиками пальцем от танка, шагнула к нему...

– Нет, – категорически отрезал он. – Ты себя с Пашей не сравнивай: у тебя стажировка здесь была началом твоего пути, а у него...

– А у него концом, – хрипло прошептала она, сдала руками отвороты халата, вжала рот в его шею... Отстранилась, оставив круглый след слюны.

– Хочешь? – спросил он.

– Тш-ш...

Даша лениво провела головой из стороны в сторону, прижала свое тело к его. И тихо сказала, едва размыкая влажные губы:

– Я назову его Пашей не ради самого Паши, в конце концов, он был тот еще дурак, да и... умер, ему совсем все равно, назову я его именем что-то, не назову. Нет, я назову его

так, потому что с него началось то, что я здесь, с тобой, вот так...

– Ну, Паша так Паша, – вздохнул и сказал он. И разорвал ей халат и блузку, обнажив мягко-круглые груди, сжал, вдавив пальцы в ее кожу и жир.

– Значит, все-таки хочешь, – улыбнулась Даша и растворилась в давлении его рук, в прохладе лабораторного стола у своих ладоней, предплечий...

Он задрал полы ее халата, собрав белый хлопок складками, стянул одежду, белье и раздвинул твердым членом мякоть ее чрева.

«Ужасная, неминуемая контаминация,» – блаженно подумала Даша и закрыла глаза.

Вот каким оно было: счастье.

И в тот день тугая сперма пятью толчками ударила внутрь нее и осталась в ней.